

ПРОМ

ЗОНА

Юлия Латынина

Ахтарский металлургический комбинат

Юлия Латынина

Промзона

«ЭКСМО»

2003

Латынина Ю. Л.

Промзона / Ю. Л. Латынина — «Эксмо», 2003 — (Ахтарский металлургический комбинат)

Здесь нет государства – есть личные отношения. Здесь нет бизнеса – есть война. Здесь друзьям полагается все, а врагам – закон. Здесь решения судов обращаются на рынке, как ценные бумаги, а споры олигархов ведут к промышленным катастрофам. Здесь – Россия. Здесь – Промзона. Продолжение романа «Охота на изюбря» – на этот раз о войне между двумя промышленными группами.

© Латынина Ю. Л., 2003

© Эксмо, 2003

Содержание

Часть первая	5
Глава первая,	5
Глава вторая,	39
Глава третья,	49
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Юлия Латынина

Промзона

Nullum crimen sine lege¹

Часть первая

*Если вы смотрите телевизор, то вы привыкли, что хорошие парни
всегда побеждают плохих. И так всегда, кроме девятичасовых новостей.
Из разговора в коридоре «Останкино»*

Глава первая, в которой бедный экскаваторщик с помощью сил правопорядка возвращает себе жилище, а в гостинице на Рублевке происходит ЧП

Денис Федорович Черяга, вице-президент ОАО «Ахтарская металлургическая компания», сладко спал в постели на третьем этаже роскошного особняка, когда внизу завизжали.

Черяга чмокнул губами, перевернулся на другой бок и забился головой под подушку. Визг прекратился, и в ту же секунду грохнул выстрел, один и второй.

Денис штопором взлетел на кровати, пытаясь вспомнить, где он и какой сейчас день недели. Память возвращалась сравнительно быстро. Денис сообразил, что он в Москве, на Рублевке, в загородной гостинице АМК, и что сейчас воскресенье. Электронные часы на темно-коричневой тумбочке, укрытой атласным колпаком витого торшера, показывали четыре утра.

Дико болела голова. Обычно такие симптомы наблюдаются после долгого и планомерного ночного разврата. Денис, однако, не развратничал: просто первую половину предыдущей недели он провел в Казахстане, оттуда полетел в Швейцарию, из Швейцарии – в Канаду, а из Канады – в Черловскую область, на угольную шахту, входившую в холдинг.

И так как с черловской шахтой происходили ужасно нехорошие вещи, о которых был назначен воскресный разговор с его шефом, президентом холдинга и директором Ахтарского металлургического комбината Вячеславом Извольским, (к каковому разговору Черяга и готовился весь перелет из Сибири в Москву), то Черяга разумно считал, что хоть до разговора-то он имеет право поспать! Тем более если последний раз он спал, – Денис сощурился на часы и прикинул, – ну точно, в постели последний раз он спал ровно пятьдесят четыре часа назад.

Выстрел грохнул в третий раз. Звякнул, осыпаясь, стеклопакет (сволочи поставщики, обещали ведь пуленепробиваемые), завизжала девица, и тут же в номере чего-то грохнуло, слетело, зазвякало, по лестнице затопали грохочущие ботинки.

Денис прыгнул в штаны и босиком бросился вниз.

Дверь пятнадцатого номера валялась в коридоре сама по себе, отдельно от притолоки, и по этой двери в номер – бух-бух – сплошным потоком залетали охранники.

Денис больно ударился босым пальцем о латунную ручки двери и заскочил внутрь.

Пятнадцатый номер был трехкомнатный люкс, такой же, как у самого Черяги, с полами, затянутыми в буковый паркет, удобными кожаными креслами в гостиной и кроватью размером с футбольное поле в спальне. Справа, в распахнутую дверь, виднелась двадцатиметровая

ванная, в дальнем конце которой цвел каменный цветок с золочеными кранами – итальянская джакузи.

В правом углу гостиной в твердых лапах секьюрити бился Сергей Ахрозов, генеральный директор Павлогорского ГОКа, входившего в империю Извольского: сорокапятилетний, поджарый, со свалывшимися рожками волос, скрывавших лысину на голове. Был Ахрозов совершенно гол, если не считать размотавшегося вокруг бедер полотенца и пистолета в правой руке. Этим-то пистолетом Ахрозов и размахивал, к отчаянию двух здоровенных лбов, пытавшихся пистолет у него отобрать. Ахрозов был жилист, силен и пьян, и секьюрити справлялись с ним с трудом.

– Убью пидора, – ревел Ахрозов медвежьим басом.

Из левого угла гостиной ему аккомпанировал Анастас Анастасов, «серый кардинал» Черловской области, бисексуал, кутюрье и блядь. Анастас Анастасов был красив, как Антиной, и мускулы его перекачивались под тонкой загорелой кожей, как кролик в чреве питона, но всего одного охранника хватило, чтобы пришпилить Анастаса к полу, как бабочку к пергаменту.

– А...а... – визжал Анастасов тонкой фистулой, голым карпом скользя в руках охранника.

С дивана мужчинам вторили три раздетые девицы, видимо исполнявшие роль хора.

В тот момент, когда Черяга появился на поле боя, пьяный Ахрозов встряхнулся, повел богатырским плечом и двинулся на Анастаса. Охранники волочились за ним, как болонки, повисшие на шкуре медведя.

– Спасите, – заорал Анастас, вскакивая на ноги. Охранник выпустил его, Анастас голой рыбкой извернулся в воздухе и бросился за спину Черяге. Член кутюрье, наряженный в импортный веселенький презерватив «с усиками», стоял колом, и Денис гадливо дернулся в сторону, когда губернаторский фаворит уцепился ему за плечо.

Это была ошибка. Грохнул четвертый выстрел. Пуля просвистела мимо уха Дениса. Анастас взвизгнул в каком-то экстазе, выпустил руку начальника службы безопасности, а потом задергался и стал сползать на пол.

– Убью подонка! – проревел Ахрозов. Глаза его, синие и бешеные, надвинулись на Черягу, как фары беспилотного трейлера. Ни малейшего проблеска сознания в них уже не было. Денис тщательно примерился и с ненавистью влепил Ахрозovu кулаком под челюсть. Директор вздохнул и шумно свалился на ковер. Пистолет выпал из его рук в протянутую длань Дениса.

В гостиной стало необыкновенно тихо. Потом, повинуясь короткому распоряжению Дениса, двое секьюрити подбежали к Анастасу и поволокли его из номера.

Денис подошел к проституткам. За плечом его болтался начальник охраны. К его досаде, девицы были не местные. В гостинице существовал свой пул девушек, которые могли быть предоставлены постояльцу в любой момент дня и ночи, и если постоялец был важный, то девица, само собой, считалась бесплатным удобством, вроде баночки пива в холодильнике или флакончика с гостиничным шампунем. И, разумеется, такие девицы были не очень склонны болтать обо всем, что видели. Две девицы были шуплые и безгрудые, скорее всего – модели Анастаса, а третья была здоровенная негритянка, килограммов на восемьдесят, с губами, накрашенными пепельной помадой и волосами, заплетенными в бесчисленное множество черных косичек.

– Мы не виноваты, – быстро сказала негритянка на чистейшем русском языке, – он сам полез. Этот – к тому.

– Нам по штуке обещали, – заявила вторая.

– Получишь две штуки, – сказал Денис, – а болтать будешь – п...ду вырву. Миша, разберись с девочками.

Уходя, Денис заметил презерватив «с усиками», видимо свалившийся с Анастаса. Презерватив был уже полнехонек.

* * *

Олег Самарин, начальник Павлогорского РУБОП, надавил на дверной звонок, и в глубине коттеджа раздалась нежная заливистая трель.

Коттедж располагался в элитном поселке на окраине Павлогорска и еще полтора часа назад принадлежал мелкому местному бандиту по кличке Леша Панасоник. Час назад Орджоникидзевский межмуниципальный суд города Павлогорска вынес решение, восстанавливавшее во владении домом пятидесятилетнего Александра Семенова, экскаваторщика шестого разряда, отработавшего двадцать девять лет на Павлогорском горно-обогатительном комбинате. Для того, чтобы вынести этого решение, Самарин был вынужден приставить к судье круглосуточную охрану.

Поэтому сейчас Самарин лично жал кнопку звонка, а за ним стояли десять сотрудников Ахтарского СОБРа, выписанных по такому случаю из соседней области. Закутанные в камуфляж и шерстяные маски, посреди летней степной жары, с изящными смертоносными «кипарисами», взятыми наизготовку, они напоминали роботов-андроидов из фантастического фильма. Несмотря на маски, собровцы старательно отворачивали прорези глаз от двух телекамер, сопровождавших действо. Рядом с Самариным стояли судебный пристав и Вова Калягин, начальник ахтарской промышленной полиции. У забора жался экскаваторщик с семейством. Телекомпании уже дважды взяли у экскаваторщика интервью, и теперь теща выговаривала ему, чтобы третье интервью взяли у нее.

Коттеджный поселок «Ореховский», более известный в Павлогорске как турецкая деревня, построили еще в 1994 году. «Турецкой» деревня называлась потому, что строили ее турецкие рабочие с невиданным для России размахом, и акция была разрекламирована по всей стране. В самом деле: дома в поселке были розданы экскаваторщикам и слесарям за самую символическую плату, а то и просто в кредит. Отечественная забота директора Брешева о трудящихся широко освещалась в местных СМИ. Не так широко освещался тот факт, что комбинату каждый типовой домик обошелся в четыреста тысяч долларов: смета была завышена втрое, и разница поделена между директором и турками.

И совсем уже не дошло до широкой печати, что обалдевших рабочих, въезжавших в невиданной красоты дома, с семьями, бабушками, дедушками и внуками, – у ворот поселка поджидали мрачные личности в тренировочных костюмах и шлепанцах на босу ногу: пацаны из всевластной в городе группировки Мансура. Разговор был короткий: «Вселился?» «Вселился». «Получи обратно свой льготный кредит и выметывайся, пока дети целы».

Панасоник же въехал в свой дом вообще на халяву, даже льготного кредита не возвращал, и семья выкинутого им экскаваторщика Евстигнеева ютилась в страшной халупе, а у самого Евстигнеева на работе аккуратно вычитали кредит из невыплачиваемой зарплаты. «Это ему урок, чтоб не рыпался», – заявил Панасоник. Истинная же причина, конечно, заключалась не в том, что экскаваторщик рыпался, а в том, что жадный Панасоник решил показать свою крутость на беззащитном лохе.

Леша Панасоник был типичный представитель той фауны, которая расплодилась на заводе при прежней власти.

Формально Леша числился генеральным директором заводского Дома Культуры. Обязанности его заключались в том, что он лично курировал сложный химический процесс варки «винта», имевший место в одной из клубных комнат, а также надзирал за доставкой в клуб промышленных партий героина: принадлежавшая Мансуру дискотека в Доме Культуры была главным рассадником наркотиков в Павлогорске.

Кроме этого, Леша Панасоник управлял линией по розливу лимонада. Линия ценой семь-сот тысяч дойчемарок была куплена на деньги завода и смонтирована в одном из заводских складов, за копейки проданных Мансуру. Разливали, самое смешное, действительно лимонад, а не водку. Во-первых, чтобы не запороть рынок для своей же дури, во-вторых, потому что наркоманы любят сладкую водичку. В этом бизнесе, помимо Мансура, участвовал и мэр.

Еще один бизнес Панасоника был на запчастях трудящихся в карьере БелАЗов. Бизнес заключался в том, что днем фирма Панасоника поставляла эти запчасти по тройной цене, а ночью рабочие откручивали новенькие запчасти с машин и сдавали Панасонику же, за бутылку водки. В этом бизнесе, помимо Мансура, участвовал начальник городской милиции.

В результате совокупной жизнедеятельности Панасоников, Мансуров, мэров и гендиректора Брешева, в августе 2001 года задолженность комбината по зарплате перевалила за восемь месяцев. А в сентябре ГОК купил стальной король Вячеслав Извольский.

Многие организмы, зародившиеся в недрах разлагающегося предприятия, со временем эволюционировали в более или менее пристойные фирмы; им дали по зубам и оставили работать.

Но то Леша Панасоник. Он был слишком глуп и слишком жаден, и когда на ГОК пришли новые хозяева, именно Панасоника Мансур пустил вперед, для разведки боем – насколько новички слабоваты.

Панасоник нагло подал два иска в суд, утверждая, что ГОК задолжал его фирмам сто сорок миллионов рублей за поставку немецкой линии по розливу воды, добился положительного решения и даже арестовал счета завода. На этом его фарт кончился – на Панасоника с грохотом обрушилась вся правоохранительная система области. Первое уголовное дело на Панасоника завели по факту кражи этой самой линии. Второе уголовное дело последовало по факту мошеннического завладения складом, где линия была смонтирована. Третьим был Дом Культуры, где менты конфисковали двадцать килограмм непроданного героина.

Четвертым уголовным делом стал как раз дом Панасоника. У экскаваторщика, по счастью, сохранились все документы, сохранился и договор с Панасоником о продаже дома за десять тысяч долларов, договор принципиально не оплаченный, – и теперь юристы АМК выиграли для экскаваторщика дело в суде.

Что же касается Олега Самарина, то еще восемь месяцев назад, до того, как Ахтарский металлургический комбинат пришел в Павлогорск, Самарин не был ни начальником, ни замом. Он был простым опером, правда, в звании майора, заслуженном им в Чечне.

Неприятности Самарина начались после того, как он налетел с СОБРОм на уже упоминавшуюся дискотеку в Доме Культуры. Самарин положил посетителей дискотеки на пол и изъясил три килограмма героина. Спустя неделю он взял курьера с еще пятью килограммами. Самарину позвонили от Мансура и в весьма доходчивой форме объяснили, чтобы он, «мусор, не выживался». Самарин взял еще одну поставку.

Спустя неделю после этого первого наркокурьера освободил суд, на месте наркотика, хранившегося в опечатанной комнате, обнаружилась безобидная сода, а еще через три дня Самарин был арестован по жалобе того самого невинного наркокурьера, якобы сильно избитого при задержании.

Опер Самарин сел в одну камеру с уголовниками. Дома у него устроили обыск без понятых и нашли там два грамма героина, а его непосредственный начальник, замглавы местного УВД, навестил его в тюрьме и предложил заступиться за Самарина перед Мансуром. «Он же все вопросы прямо с папой решает, – сказал начальник, – ты уволься, дело закроют». «Папой» звали начальника УВД.

Самарин не уволился. Он объявил голодовку.

Спустя два месяца после ареста Самарина освободили из-под стражи в зале суда. Самарин вышел на ступеньки здания, блаженно шурясь и потирая только что освобожденные от

наручников запястья. Была ранняя осень, в лужах сверкало уходящее солнце, и прямо перед зданием суда на солнце грелся большой черный «Мерседес». Из «Мерседеса» вышел охранник, распахнул заднюю дверцу и вежливо пригласил Самарина садиться.

Самарин сел, ожидая, что в «Мерсе» его ждет Мансур. Однако Мансура там не было. На заднем сиденье был абсолютно незнакомый человек, лет тридцати семи, с умным, чуть циничным лицом, в хорошо пошитом черном пиджаке, на лацкане которого красовался какой-то значок. Под пиджак был поддет черный же тонкий свитер.

– Меня зовут Денис Черяга, – сказал человек, – ты знаешь, мы только что купили Павлогорский ГОК. И мы бы хотели тут кое-что изменить.

Майор Самарин осклабил белые зубы.

– Я думаю, мы сработаемся, – сказал он.

Самарин надавил на звонок в третий раз. Панасоник не отзывался.

– Ломайте дверь, – распорядился начальник РУБОП.

Дверь в коттедже была стальная, сейфовая, и выдерживала не только воровские отмычки, но и автоматную очередь. Спецсредств, дверь, однако, не выдержала, и через минуту после того, как собровцы обложили ее взрывным шнуром, рухнула на ступеньки в облаке дыма и искр, как поскользнувшаяся на старте ракета.

– Ух ты! – закричал младший сын экскаваторщика.

Операторы у телекамер заходились в экстазе. Самарин вместе с собровцами бросился в дом.

В широкой гостиной было тихо и сумрачно. На столике в гордом одиночестве красовалась недопитая бутылка водки, – ни стаканы, ни рюмки не составили ей компании. Видимо, пили прямо из горлышка. Перед широким диваном работал никогда не выключающийся телевизор, и чья-то областная рожка негромко вещала о борьбе с оргпреступностью.

Сквозь арку виднелась кухня. В кухне мирно мурлыкал трехэтажный импортный холодильник, и в раковине громоздилась кучка немытых тарелок.

Самарин, пожав плечами, поднялся на второй этаж.

В спальне Панасоника царил бардак. Кто-то сорвал дверцы платяного шкафа и опростал все его содержимое на постель. У небольшого туалетного столика, стоявшего в углу, ящики были выдраны с корнем. При общем беспорядке бросалось в глаза отсутствие бумаг, – Леша Панасоник был не охотник до чтения. Прежде чем Самарин успел оценить нанесенный спальне ущерб, откуда-то со второго этажа раздался дикий вопль. Кричала девочка, видимо, дочка экскаваторщика.

Самарин бросился на второй этаж, туда где возле зимнего сада располагалась роскошная хозяйская спальня с кроватью, на которую мог бы приземлиться небольшой вертолет. На кровати, спиной к Самарину, сидел бурый медвежонок. Медвежонок был почти взрослый, килограмм на шестьдесят весу и в метр ростом. Мишку бандиту подарили на день рождения, и обычно его держали в клетке на заднем дворе. Иногда Леша Панасоник брал мишку в дом.

Мишка сидел на кровати, довольно чавкал и урчал.

Из-под задницы его торчала босая человеческая нога, проеденная до кости, с толстыми, пораженными грибок ногтями.

На шум мишка обернулся. Морда его была окровавлена, и бурые глазки сияли восторгом. Видимо признав в Самарине конкурента, он недовольно зарычал, обнажая клыки.

Майор Самарин всадил в него три пули, одна за другой, прежде чем мишка свалился у труп хозяина.

Александр Феликсович Ревко, полномочный представитель президента в Южно-Сибирском федеральном округе и личный друг Вячеслава Извольского, осматривал в Жуковском новенький вертолет.

Вертолет был великолепен. Он стоял на летном поле посреди старых военных машин, как яркий подснежник, проклюнувшийся из-под истлевшей за зиму листвы, и смотреть на него сбежалось все аэродромное начальство. Вертолет был весь угольно-черного цвета, как новорусский шестисотый мерседес, и по обеим сторонам его на кронштейнах хищно торчали ракеты с тепловыми головками наведения и ПТУРЫ.

В руках Александр Ревко держал автомат – старый добрый «калашников», с которым ему так часто приходилось иметь дело и в Анголе, и в Эритрее, и в Намибии, – везде, куда посылали его партия и правительство в те дни, когда великая советская империя простиралась от Кубы до Антарктиды, когда КГБ и ЦРУ играли в мировые шахматы на равных, и когда на Конгарском вертолетном заводе производили триста винтокрылых шершней в год.

Беззакатная империя. Империя, над которой никогда не заходило солнце. Империя, в которой сажали спекулянтов, расстреливали взяточников, а рабочим выдавали квартиры бесплатно. И в центре этой империи, на площади у мрачного здания, стояла статуя его троюродного деда.

Ревко отщелкнул предохранитель и обдал вертолет веерной очередью с расстояния в двадцать метров. Вячеслав Извольский, стоявший рядом с полпредом, невольно напрягся. Пули защелкали по угольно-черной поверхности, как градины по крыше. Они не высекали искр и почти не давали рикошета.

Ревко опустошил магазин, привычным движением переставил рожок и продолжил стрельбу. Вскоре весь бетон под вертолетом был покрыт пулями, как почва под дубом – опавшими желудями.

Вертолет не был бронированным. Он был покрыт особой пленкой под названием «кларол». Пленку придумали две старушки, Клара и Роза Левашовы. Старушкам было, соответственно, семьдесят три и семьдесят пять, и всю жизнь они протрудились в секретном конструкторском бюро, а последние десять лет они продолжали выполнять задание умершей уже партии, расходуя на это собственную пенсию. Старушек для Извольского нашел Денис Черяга, и Извольский выкупил у них патент за сумму, о которой они до той поры слышали только в кино, и которую завод Извольского зарабатывал примерно за семь минут. Разумеется, пленка не могла полностью заменить броню. Но пулю калибра 5,45 мм она останавливала, начиная с пяти метров.

– Потрясающе, – сказал Александр Ревко. Оборотился, посмотрел на Славу Извольского своими прозрачными серыми глазами и промолвил:

– Что у вас там случилось в гостинице? С Анастасом?

Извольский помолчал. Осведомленность полпреда, как всегда, неприятно поразила его. Следовало бы разобраться: то ли ему стукнул кто-то из младшего персонала гостиницы, то ли полпред перехватил телефонные разговоры Анастаса.

– Этот урод вздумал приставать к Сереже Ахрову, – ответил Извольский. – У Сережи очень тяжелый характер и исключительно гетеросексуальные пристрастия.

– Кто владеет лицензией на пленку?

– Одна швейцарская компания.

– Кто владеет компанией?

– Пятьдесят процентов мои.

– А другие пятьдесят?

– Любой фирмы, которую ты укажешь.

Ревко легким профессиональным движением закинул за плечо автомат, предварительно проверив предохранитель.

– Слава, это изобретение было сделано на советские деньги советскими людьми. Отдай другие пятьдесят государству. ГУПу² при полпредстве.

– Я бы предпочел заплатить налоги, – сказал Извольский.

Ревко усмехнулся.

– Чтобы они потом достались таким, как Анастас? Ты сам знаешь, Слава, эта страна прогнила сверху донизу. Ее не спасти с помощью обычных мер. Те деньги, которые мы получим через ГУП, пойдут на строительство государственной машины новой России. И я советую тебе при этом оказаться на нашей стороне. А не на стороне анастасов. Не делай ошибки, Слава. Мой проект – проект политический. Так что скажешь?

– У меня есть встречное предложение, – медленно произнес Извольский.

* * *

Анастас Анастасов открыл глаза. Страшно болела голова и во всем теле была дикая слабость, как всегда, когда Анастас баловался первитином. Анастас «винт» не любил, под «винтом» делают такие странные вещи: однажды Анастас, обжабавшись «винта», залез в машину и всю ночь ехал задом по шоссе. Доехал от Москвы до Торжка, а ведь дело было еще до черловского губернатора. Никто ему тогда бы задом не позволил ездить, хорошо, что чудом пронесло.

Но так уж случилось, что вчера вечером это был «винт», и еще какой странный «винт», не вода, а кисель.

Анастас огляделся. Он лежал в широкой постели; из-под плотно занавешенных окон спальни едва пробивалось жаркое летнее солнце; номер был прелестно отделан белой лепниной, мебель была немецкая, из цельного дуба, а трюмо рядом с постелью было просто выше всяких похвал: очень миленькое, в завитушках и с точеными копытцами ножек. Вроде бы таких номеров в «Кремлевской» не водилось – так где он?

Скрипнула дверь, и в спальню вошел невысокий худощавый человек с васильковыми глазами. Анастас сначала отметил крепкие мышцы и итальянский крой полуспортивных брюк, удивительно подходивших к серой футболке, а потом уже узнал: Денис Черяга. Вице-президент Ахтарского холдинга. Милый парень, но слишком зажатый. Не сам себе хозяин. Анастас со стоном взялся за голову.

– Черт, – сказал он, – Денис, а, как болит-то! Денис, что вчера было?

– Не знаю, – настороженно сказал Денис, – меня там не было.

– А кто был?

Черяга промолчал.

– У тебя порошок есть?

Анастас слез с кровати и начал рыться в своем портфеле. На нем ничего не было, кроме длинной мужской рубашки. В портфеле видимо ничего не обнаружилось. Анастас, страдальчески морщась, достал сотовый.

– Вить, ты в Жуковке? Витя, это Стасик, сделай милость, сейчас приедет машина, обзовется, отгрузи ей... Умираю, Витенька. Я вчера такую дрянь на борт взял... Все, целую.

Анастас поднял на Черягу умоляющие глаза.

– Денис, отправь кого-нибудь. Вот адрес. Денис, а Денис, а че, вчера чето было? А то я, прикинь, я однажды, когда «винтом» обжабался, сел за комп играть. Два дня играл, а комп забыл включить. Денис, прикинь: два дня на выключенном компьютере играл. Дрянь этот «винт». Никогда не жри.

В номере показался официант со столиком, на котором дымился свежий утренний кофе. Анастас жадно выпил сразу две кружки, ему стало значительно легче. Некоторые детали вче-

² Государственному унитарному предприятию.

рашной гулянки начали всплывать в памяти. Денис подошел к двери номера, вызвал кого-то и шепотом отдал приказание.

– Слышь, Денис, мы ведь о чем-то говорили, когда летели. А? – спросил Анастас, когда Денис вернулся в номер.

– О шахте.

– Да. Урод этот Цой. Он что думает, он если папе на выборы дал, папа у него теперь в кармане?

Анастас встал и принялся одеваться.

– Папа ни у кого в кармане не будет. Я тебе говорю, дай двоечку, я закрою вопрос с шахтой.

– Я сам не решаю такие вопросы, – сказал Черяга.

В кармане Дениса зазвонил сотовый. Это был Извольский.

– Денис, тебя где черти носят? Я в офисе.

– Через полчаса буду, – сказал Денис.

Когда Денис выключил телефон, он заметил, что полуодетый Анастас сидит бочком на краешке стола и исподлобья изучает его. Из-за вчерашней ночи Анастас был бледней, чем обычно, и его черные брови и серые глаза особенно выделялись на красивом, самовлюбленном лице.

– Что, хозяин звонил? – спросил Анастас. – Тогда беги.

Выйдя в коридор, Денис перевел дыхание и бережно закрыл дверь, как будто по ту сторону порога в номере лежала большая дохлая крыса. Он был искренне рад, что Анастас ничего не помнит. Что будет, когда он вспомнит, не хотелось и думать.

* * *

Путь Анастаса Анастасова к званию «серого кардинала» Черловской области начался в 1998 году, когда Данила Григорьевич Орлов, бывший первый секретарь обкома партии, передовик производства, добропорядочный коммунист и вождь областной оппозиции, выиграл губернаторские выборы в первом туре и с разгромным счетом.

Через два месяца после принятия присяги губернатор, в компании супруги, обедал с министром экономики в отдельном кабинете ресторана «Гранд-опера». Третьей стороной на этом обеде был средней руки предприниматель Сережа Лисичкин, претендовавший на химкомбинаты региона. На губернаторе был костюм фабрики «Большевичка», родной брат того, в котором губернатор в 1991 году произносил зажигательные речи перед бастующими шахтерами. На губернаторше была синяя вязаная кофта с поддетой под нее черной юбкой. Эта была очень знаменитая кофта и очень знаменитый костюм: их специально рекомендовали для народного кандидата столичные пиарщики, причем кофту губернаторше пришлось связать самой, по выкройкам, изысканным пиарщиками в журнале «Огонек» 76-го года издания.

Теперь выборы кончились, а кофта осталась. Губернатор и губернаторша смотрели на темно-желтый в полосочку галстук министра экономики и мучительно осознавали свое несоответствие. Лисичкин, человек проницательный, заметил состояние губернатора. Пять лет назад он впервые приехал в Москву и пришел в ресторан «Националь» в куртке типа ватник.

– Данила Григорьевич, – сказал Лисичкин, – если у вас есть завтра немного времени, не хотели бы вы посетить мой бутик? Я вложил четыре миллиона в одного очень известного кутюрье, и сейчас у него одевается пол-Москвы.

На следующий день губернатор с супругой стояли на черном зеркальном полу модного бутика «Анастас». Бутик располагался на улице Кузнецкий мост между крупным банком и модным рестораном.

В бутике висели изысканнейшие мужские костюмы с неувовимо-распутным покроем бортов, женские наряды самых воздушных форм и расцветок, и шляпки, причудливые, как грезы кокаиниста. Навстречу губернатору с супругой вышел гибкий молодой человек с мягкими чувственными губами и огромными глазами цвета грецкого ореха. На молодом человеке были белые штаны спортивного покроя и черная майка, подчеркивавшая безупречные мускулы плеч и стройные бедра. Это был сам модельер Анастас Анастасов, восходящая звезда модельного бизнеса, самый модный кутюрье сезона, сменивший к своим двадцати четырем годам трех постоянных любовников и бесчисленное количество партнеров.

Первый любовник Анастасова, известный стилист Михайлов, нашел его в мужском стрип-баре, когда Анастасову было восемнадцать лет. Михайлов научил Анастасова шитью и кройке, дал ему деньги и клиентов, а когда Михайлов умирал от СПИДа, Анастасов забрал клиентские книжки и ушел жить к другому.

Второй любовник Анастаса был сорокалетний авторитет, известный своей крутостью и немеряным количеством трупов. Окружение бандита, совершенно шокированное, потребовало от босса «замочить петуха, не сходя с места». Влюбленный людоед отрекся от трона и укатил вместе с Анастасом в турне по Европе, снимая ему президентские апартаменты в самых дорогих отелях. Через пять месяцев авторитет заглянул на недельку в Москву и был встречен на пороге своей квартиры автоматной очередью. Анастас был безутешен. Он целых три дня проплакал в роскошном отеле «Хайят» в Ницце, пока его не утешил проживавший в соседнем «Интерконтинентале» английский лорд.

Последним любовником Анастасова был тот самый Сережа Лисичкин, который и рекомендовал его губернатору. Губернатору на выборы он дал два миллиона долларов, а в Анастасова вложил четыре с половиной. На эти четыре с половиной лимона у Анастасова появилось пять бутиков в самых модных местах столицы, и один бутик в Париже.

Анастасов поклонился губернатору и поцеловал руку губернаторше.

Губернаторша была сражена.

Губернатор был сражен.

Спустя две недели коммерсант Лисичкин получил в управление Черловский азотный комбинат, а губернатор с губернаторшей поехали отдыхать на виллу Лисичкина в Ниццу. Вместе с Лисичкиным на вилле был Анастасов.

Из Ниццы губернатор с губернаторшей поехали на остров Бали. Лисичкин оплачивал поездку и, натурально, сопровождал их с любовником.

Спустя две недели губернатор с губернаторшей вернулись с Бали в Черловск, и Анастас Анастасов стал готовиться к открытию своего фирменного бутика в богатой столице Южной Сибири. Все это время Анастасов с Лисичкиным жили в губернаторской резиденции.

На неделю Лисичкин отъехал в Женеву, а когда он вернулся, губернатор вызвал его на мужской разговор и предложил коммерсанту Лисичкину подобру-поздорову отписать в пользу Анастаса Анастасова принадлежащую Лисичкину долю в бутиках. «Стасик мне рассказал, как ты его обижаешь», – сказал губернатор.

Совершенно потрясенный таким коварством коммерсант принялся объяснять, что он вложил в Анастаса четыре с половиной лимона, что за два года Анастас лично не пошил ни одной коллекции, что под его именем давно работают молодые, талантливые ребята, и что если бы не Лисичкин, то Анастас бы сейчас жил в канаве и, чего доброго, умирал бы от какой-нибудь заразы.

Губернатор был слеп. Любовь всегда слепа.

Коммерсант Лисичкин бросился к супруге губернатора и... с ужасом обнаружил, что сложившееся положение губернаторшу устраивает. Губернатор, тщательно прятавший свои наклонности во время избирательной кампании, не спал с перзрелой супругой вот уже пять лет, и она мучительно боялась, что он разведется с ней и женится на молоденькой. Анастас

в качестве любовника был куда предпочтительней. Отныне Галина Орлова могла не бояться развода. Кроме того, Анастас был так мил, предупредителен и робок с губернаторшей, что она испытывала к нему почти материнские чувства.

По итогам объяснения Лисичкина с супругой губернатора арбитражный суд региона сменил управляющего на отданном Лисичкину «Черловском азоте». В течение следующего месяца Лисичкин потерял еще два завода, «Аммофос» и азотно-туковый.

Торговая марка «Анастас» еще принадлежала Лисичкину. Лисичкин закупил для города Москвы семьсот штук передвижных туалетов и на каждом повесил. «Анастас. Все для вас».

Это его не утешило. Лисичкин перестал спать, потому что каждую ночь ему снился великолепный Анастас, с его мягкой кожей, безупречной линией мускулов, и большими глазами цвета грецкого ореха.

Покинутый любовник Лисичкин сидел в своем роскошном московском кабинете, сильно напоминающем будуар проститутки, и сочинял обращение в ФСБ, когда в дверь постучали. Лисичкин открыл дверь, и в ней показались черловские менты. Менты привезли с собой ордер на арест по факту хищения чего-то там бюджетного два года назад.

Пока в кабинете шел обыск, Лисичкин, извинившись, отлучился в туалет, расположенный в комнате отдыха. Из комнаты отдыха был еще один выход, в другую половинку офиса. Лисичкин выскочил наружу, по коридору и во двор.

Там-то его и ждали два автобуса с черловским ОМОНОм. Лисичкина поймали и намяли ему бока, а потом его увезли в Черловск и бросили там в камеру, в которой содержались сорок арестантов вместо двадцати дозволенных. Слух о любовных привычках Лисичкина довольно быстро дошел до его сокамерников, и Лисичкина, несмотря на его хорошие связи и большие деньги, употребили по назначению.

Только тут бедный Сергей Лисичкин вспомнил, что до того, как переехать к Лисичкину, Анастас Анастасов обворовал двух прежних своих покровителей.

Многие ожидали, что успех Анастаса будет сколь громким, столь и непродолжительным – однако прогнозы их не сбылись. Маленький сучонок, казалось, приворожил губернаторскую чету и в короткий срок сделался совершенно необходим.

Зам губернатора, не подавший Анастасу руки, лишился должности. Бизнесмена, припарковавшего свой джип на месте, излюбленном Анастасом, упекли на трое суток. Старый партийный товарищ губернатора, позволивший себе нелестное замечание о молодом развратнике, пролетел на выборах в областное законодательное собрание.

Самое же изумительное было то, что Анастас Анастасов внезапно оказался очень органической частью управления областью. Именно через него передавались взятки и лоббировались назначения. Он с женской изворотливостью стравливал бизнесменов и сам же потом брал деньги за посредничество в примирении.

Он любому сулил золотые горы, и каждый, кто связывался с Анастасом, в конце концов платил, как за две золотых горы, а получал – медную кучку. В нужный момент, уже получив взятку, он соскакивал с обещания, ссылаясь на строгость губернатора, а губернатор отговаривался от обещанного, ссылаясь на милого фантазера Анастаса, который, оказывается, не передал ему денег. Когда возмущенный кредитор припирали Анастаса к стенке, его увлекали новым, еще более дорогим и фантастическим проектом, а отказ от сотрудничества Анастас воспринимал примерно так же, как американская налоговая полиция воспринимает попытку уклонения от законных и причитающихся с гражданина налогов.

Анастас блестяще выполнял основную задачу губернаторской власти в России: задачу стравливания как можно большего числа крупных финансовых группировок, ибо только беспощадная война их между собой позволяла сохранить независимость губернатора и удовлетворить страсть Анастаса к интригам. То, что на каждые сто тысяч долларов, доставшиеся в виде взятки Анастасу, приходится миллион долларов ущерба для области, Анастаса не волновало.

Именно благодаря посредничеству Анастаса Вячеслав Извольский зашел на Павлогорский ГОК.

* * *

Спустя двадцать пять минут черная «Ауди» доставила Дениса к московскому представительству АМК – хорошенькому трехэтажному особнячку с серыми стенами и красной черепичной крышей.

Ворота, повинаясь электронному приказу охранника, отошли в сторону, воскресный зевающий охранник в тренировочном костюме распахнул перед Черягой двери, и Денис поднялся на второй этаж, туда, где в конце коридора, в широкой и удобной переговорной, ждал его хозяин – генеральный директор Ахтарского металлургического комбината и глава одноименного холдинга Вячеслав Извольский.

Денис отворил дверь в конце коридора – и тут же заметил некоторый не порядок.

Вячеслав Извольский сидел в переговорной один, и перед ним на полированном столе расположился натюрморт, который Денису не понравился до крайности. А именно – бутылка «Столичной» и обглоданный лещ, скорее приличествующий пиву, нежели водке.

Извольский поднял голову и ухмыльнулся. У голубых глаз Извольского была странная особенность: они как будто мутнели во время пьянки. Вот и сейчас они были уже не голубыми, а с легкой белесой патиной.

– Садись, – сказал шеф. Подумал и добавил: – Лару завтра в Москву привезут. Нельзя ее пока оперировать.

Черяга внимательно оглядел своего шефа. Прошло уже немало времени с тех пор, как Извольский и московский банк «Ивеко» схлестнулись в смертельной схватке за контроль над АМК, и за это время Вячеслав Извольский сильно изменился. Пуля киллера, повредившая позвоночник, почти на год приковала директора к постели. Сляб похудел, осунулся, и, казалось, – навсегда утратил свое прежнее богатырское здоровье.

Некоторое время Черяге казалось, что шеф его вот-вот оправится: комбинат был отвоеван, банк угодил в незабываемое дерьмо, операция в швейцарской клинике прошла удачно, и через неделю после того, как Извольский встал на ноги, он обвенчался в Ахтарске со своей возлюбленной Ириной Денисовой.

Потом у Ирины родилась дочка.

Врачи предупреждали, что ребенок, зачатый на больничной койке, после тяжелейших ранений, полученных отцом, может родиться больным или неполноценным. Какой дорогой дрянью кололи Извольского, спасая ему жизнь, и что эта дрянь делает со спермой, точно сказать не мог никто. Врачи советовали Ирине сделать аборт, Ирина плакала и готова была на все, что велит Слава, а Извольский был категорически против аборта. Самовластный князь города Ахтарска, хозяин одной из крупнейших металлургических империй России, победитель московского банка вообразил, что он может диктовать свои условия природе, как он диктует их областным бандитам и даже московским олигархам.

Лариса, Ларочка, родилась на полтора месяца раньше срока. У нее были ясные голубые глазки Извольского и высокий лоб матери, она весила на килограмм меньше положенного, и у нее был тяжелейший врожденный порок сердца.

Извольский, разумеется, и не подумал сдать. Мозг девочки не затронут, уверяли врачи, по крайней мере, об этом пока еще рано говорить. Значит, дело было лишь за деньгами, хирургами и швейцарскими клиниками. Но месяц шел за месяцем, счета из клиник стремительно прирастали нулями (не то чтобы Извольского нули сильно заботили), а прогнозы докторов становились все более неутешительными.

И тогда, постепенно, Денис все чаще стал отмечать нехорошие перемены в своем шефе. Тот почти перестал лично садиться за руль (а это когда-то было любимейшим пристрастием олигарха), ни разу за три месяца не съездил на охоту и стал удивительно равнодушен к еде. Извольский и прежде не был любителем публичных выступлений, теперь же он полностью замкнулся в небольшом мирке: Ирина, Лара, врачи, и завод.

Но самое главное было не это. Извольского никогда нельзя было заподозрить в мягкости характера. Теперь же жесткость превратилась в жестокость, решительность – в ненависть. Извольский слишком много перенес, и пуля в позвоночнике была не самым страшным из перенесенного. Денис знал, что где-то у самого дна души Извольского лежит и гниет, как зловонный труп крысы, черное отчаяние. И, не дай бог, случись у завода какой конфликт – решения, продиктованные этим отчаянием, перехлестнут не только за рамки уголовного кодекса, но и за границы здравого смысла.

– Что с шахтой? – спросил Извольский.

– Шахты больше нету.

– А что есть?

– Есть предложение вступить в общество обманутых вкладчиков.

Дело, приведшее к тому, что заместитель Извольского три дня был вынужден мотаться между Черловском и Швейцарией, никак нельзя было назвать приятным.

Ахтарский металлургический комбинат кушал около шестисот тысяч тонн коксующегося угля в месяц, и день и ночь на железнодорожной станции разгружались составы: из Прокопьевска, Междуреченска и Новокузнецка. Горы черного жирного угля возвышались на территории комбината, и любому, кто шел мимо них, показалось бы, что здесь залежи на много лет. Однако комбинат уминал любую из этих гор в течение двух-трех суток, и запасы угля не превышали двухнедельных – дольше омертвлять средства было невыгодно.

Отлежавшись, уголь поступал на углеподачу, где из разных марок угля – жирных, газо-жирных, отошающих – и делалась шихта для загрузки коксовых батарей.

Чужой уголь хорошо, а свой – лучше. В свое время Вячеслав Извольский купил около тридцати процентов АО «Шахта им. Горького», расположенного в соседней Черловской области, в городке Белогурье. На шахте добывались самые лучшие угли из существующих – угли марки «к» и «кснр». Из угля марки «к» кокс в принципе получался безо всяких добавок, если до миллиметра блюсти технологию. Из угля марки «кснр» кокс тоже получался сам собой, и при этом еще не было необходимости строго блюсти технологию.

Извольский, разумеется, рассчитывал довольно быстро приобрести контрольный пакет шахты, выкинуть из нее старый менеджмент и замкнуть на себя финансовые потоки. Но человек предполагает, а бог располагает – случилась свара с банком «Ивеко», Извольскому было не до шахты, а когда весной жизнь наладилась, выяснилось, что контрольный пакет уже скуплен местными бандитами: какой-то весьма колоритной публикой в золотых цепях, рваных кроссовках и с веками, украшенными надписью «не буди».

Что ж! Извольский взвесил ситуацию и решил, что воевать с бандитами смысла нет, все равно что свинью стричь: визгу много, а шерсти мало. На одной шахте свет клином не сошелся. Колоритного субъекта в золотой цепи вызвали в Ахтарск, провели с ним воспитательную беседу, и тот, к некоторому даже удивлению Черяги, быстро согласился на предложенные условия. А именно – фирмы Извольского получают тридцать процентов добываемого на шахте угля, то есть ровно столько, сколько причитается согласно пакету, а как воруют остальное – Вячеслава Аркадьевича не касается. Такой своеобразный способ выплаты дивидендов по акциям и по понятиям.

Ладно. Две ахтарские фирмы сели в Белогурье на уголь, и так как Извольский был в этот момент очень доволен Черягой, выигравшим для него схватку с банком, то великий герцог

Ахтарский решил Черягу премировать и пожаловать ему маленький лен в виде этих самых тридцати процентов шахты им. Горького. И фирмы фактически принадлежали Черяге.

Разумеется, и Черяга, и Извольский видели то, что происходило в Белогурье, и сердце их обливалось кровью. Бандиты разворовывали шахту внаглую. Рабочим не платили зарплату по шесть-восемь месяцев, дебиторская задолженность предприятия росла, как снежный ком, ни единой копейки инвестиций не наблюдалось даже на горизонте – шахта, по сути дела, была обречена. Еще год-полтора такой работы, и комбайны, вагонный парк и подъездные пути выйдут из строя, а рабочие покорно замерзнут в своих замороженных городках.

Между самими бандитами тоже, как выяснилось, не было согласия, контрольным пакетом владели сразу три объединившиеся группировки, и шахта была как большая коммунальная квартира, в которой каждый норовит насрать соседу в суп и никто не хочет ремонтировать прохудившийся унитаз.

Но что Черяга мог сделать в этой ситуации? Да в общем-то ничего. Ремонтировать общий унитаз за свой счет у него опять-таки не было желания, и его фирма вела себя в Белогурье, как и все остальные: тоже брала уголь и тоже за него не платила.

Три месяца назад Денису Черяге неожиданно позвонил человек, которого звали Константин Цой. Формально Цой значился вице-президентом группы «Сибирь» – мощной производственной структуры с неясным количеством партнеров, широкими связями в Кремле и правительстве и довольно отчетливым криминальным душком. Говорили, что двадцатипятипроцентным пайщиком «Сибири» состоит Степан Бельский – лидер очаковской преступной группировки. Еще говорили, что Бельский является человеком гораздо более миролюбивым, нежели Константин Цой. Вероятно, это обстоятельство объяснялось тем, что Бельский прекрасно понимал: как только группа «Сибирь» начнет бить посуду, именно ему поручат подметать черепки.

Так или иначе, на встречу с Черягой Константин Цой явился один – безо всяких Бельских, разве что с двумя здоровенными лбами в качестве телохранителей и длинноногой, похожей на статуэтку певицей Ниной – Цой недавно обзавелся любовницей, моментально превратившейся в одну из самых раскрученных российских попзвезд.

Константин Цой был живой легендой российского бизнеса, и Денис, в первый раз видевший Цоя вблизи, смотрел на него во все глаза. Цой был, как то и следовало из его фамилии, корейцем, причем не полностью даже обрусевшим. В прошлом его была какая-то неясная, фантастическая история – чуть ли Цой не умудрился сбежать еще в советские годы в Южную Корею. Бросился вплавь с российского танкера, на который нанялся моряком, выучил язык предков, и сколотил в Корее некое состояние, которое и было инвестировано удачно в российскую металлургическую отрасль в начале 90-х.

Цою было сорок с небольшим, он был широк в кости и узок в поясе, и деловой костюм сидел на нем немного нескладно. Не это, впрочем, было самым примечательным в облике Константина Кимовича. Дело в том, что Цой был альбиносом: с болезненно белой кожей, голубыми глазами и белокурыми волосами, скорее подходившими германскому викингу, нежели плосконосому и круглолицему корейцу. Примета эта была насколько характерной, что решительно всей промышленной России Цой был известен под кличкой Альбинос.

Извольский и Цой принадлежали к принципиально разным подвидам российского бизнеса. Извольский был человек основательный, металлург по профессии и призванию, ощущал он себя прежде всего директором Ахтарского металлургического, и все, что он подгрребал под себя, рассматривалось именно как продолжение АМК. Подгрребалось же все, опять же – наверняка и не спеша, в основном – за деньги. Лучше заплатить больше денег, но получить сделку, под которую не подкопаешься – такова была позиция Извольского.

Не то – Цой. Это был игрок, готовый охотиться на все, что угодно – электролизеры, домны, шахты, медные печки – лишь бы плохо лежало и можно было бы ухватить левым реше-

нием арбитражного суда, приправленным горстью вломившихся на завод омовцев. Он обо-
жал риск, как наркоман героин, он ставил на кон чужие жизни и свою собственную, он поку-
пал заводы за взятки губернаторам и угрозы бывшим владельцам, и он непременно бы зачах с
тоски, сунь его кто-нибудь в кресло директора завода и заставь проводить совещание на пред-
мет экономии электроэнергии. Его схемы были столь изобретательны, что даже не казались
ужасными.

Предложение Цоя было очень простым – он был готов купить тридцать процентов шахты
им. Горького за пять миллионов долларов и деньги предлагал хоть завтра. Денис очень сильно
насторожился:

– А почему, собственно, вы говорите со мной? Акции покупал Извольский.

– А потому что Сляб их отдал тебе. В качестве премии. Они твои, вот я с тобой и говорю.

Осведомленность Цоя как-то не очень понравилась Денису. Тот должен был долго и тща-
тельно наводить справки перед этим разговором, чтобы знать, что акции шахты фактически
находятся в совместном владении Извольского и Черяги, а не принадлежат одному ахтарскому
хану. Даже удивительно было, что олигарх его уровня озаботился подробностями существова-
ния незначительной, в общем-то, компании.

– Пять миллионов – это мало. Мы за эти акции платили больше, а это было два года
назад, – ответил Денис.

– Когда вы за них платили, это было не дерьмо, а шахта, – возразил Цой, – а теперь это
не шахта, а дерьмо.

Денис, разумеется, рассказал о разговоре Извольскому. Тот тоже возмутился малостью
предложенной суммы, но в принципе был открыт для переговоров. Он позвонил Цою, и они
договорились о встрече в Ахтарске, благо Цой все равно был на следующей неделе в соседней
области. Так случилось, что Извольский записал время встречи на каком-то обрывке бумаги,
секретарша выкинула обрывок в мусорную корзину, и когда спустя восемь дней черная брони-
рованная «Чайка» Цоя в обрамлении двух джипов подъехал к заводууправлению, выяснилось,
что ни Извольского, ни Черяги нет на месте: Извольский был в Казахстане, а Черяга – в Канаде.

Константин Цой вышел из «Чайки», задумчиво осмотрел гранитную громаду заводо-
управления, прошелся по рыхлому весеннему снегу, разминая ноги.

«Чаяк» у Цоя, кстати, было три, а вот «Мерседесов» – ни одного. Цой обожал стиль
советской империи, по взглядам своим был великорусским империалистом, из числа самых
отчаянных, и, может быть, именно поэтому среди русских промышленников ходили слухи, что
невероятная история его побега в Южную Корею была когда-то грамотно срежиссирована ГРУ.

Тем временем заместителю Извольского по производству доложили, что к заводууправ-
лению приехал какой-то Цой. Заместитель по производству как раз вел совещание.

– Что за Цой? – спросил он у коллеги.

Но имя Цоя никому ничего не говорило. Об Альбиносе все слышали кучу легенд.

– А хрен его знает. Охрана говорит, бандюк какой-то корейский...

– Ну раз приехал, пусть подождет, – милостиво разрешил зам по производству. – Мы
минут через двадцать заканчиваем.

Цой поднялся в заводууправление и посидел в предбаннике зама генерального. На его
и Извольского несчастье, предбанник был абсолютно пуст: все руководители комбината были
внутри, на совещании, и только молоденькая секретарша барабанила по клавишам. Цой сидел
абсолютно неподвижно, пока не прошло тридцати минут: совещание оказалось неожиданно
долгим. Цой подождал еще и сорок минут. И даже пятьдесят.

Через полтора часа, когда члены правления веселою толпой вывалились из кабинета, сек-
ретарша доложила:

– А этот, белокрысый, вас не дождался.

– Какой белокрысый? – поджав губы, уточнил замдиректора по производству.

– Ну какой-то кореец, который тут был. Альбинос.

В приемной заместителя генерального директора разом наступила мертвая тишина.

* * *

После этой истории два месяца от Цоя не было ни слуху, ни духу. Говорили, что он бросил поп-звезду и завел роман с балериной. Говорили, что он бросил балерину и подобрал в канаве какую-то девку. Говорили, что он бросил девку и отмечает с поп-звездой медовый месяц на исторической родине. Извольский позвонил ему было по сотовому, Цой очень радушно его выслушал и сказал, что перезвонит через пять минут, а сейчас очень занят.

Цой, однако, не перезвонил. Перезванивать самому в таких случаях – значит терять лицо. И Извольский терять лица не стал.

Спустя два с половиной месяца Черяга, приехав на комбинат, пощелкал в компьютере по новостным агентствам и обомлел: короткое сообщение в «Интерфаксе» гласило, что сегодня решением Черловского арбитражного суда на АО «Шахта им. Горького» введено временное управление, а управляющим назначен Фаттах Олжымбаев, – ближний человек Константина Цоя. Это означало, что отныне тридцать процентов акций шахты, за которые было заплачено двенадцать миллионов долларов, не стоят и копейки, потому что все финансовые потоки шахты пойдут через фирмы Олжымбаева.

А через полчаса к Денису прибежал начальник коксохимического производства и сказал, что звонили с шахты им. Горького и передали, что вертушки с углем не будет, пока комбинат не закроет задолженность за все предыдущие поставки.

Денис кинулся в соседнюю область. Цоя он, разумеется, не застал. Бандюки, владевшие контрольным пакетом, как выяснилось, сидели в СИЗО – Цой упрятал их туда по договоренности с губернатором, чтобы не мешались делить пирог. Временный управляющий Олжымбаев принял Дениса очень радушно и тут же и поинтересовался у него, где денежки за отгруженный денисовым фирмам уголь.

Олжымбаев был двадцатисемилетний парень, казах по паспорту, украинец по матери и туркмен по деду. Именно от деда и досталась ему породистая арийская внешность: высокий рост, светлые волосы и надменные глаза на чуть смугловатом, узкоскулом лице. Если бы из туркменов набирали в СС, Фаттах в первый же год стал бы штурмбанфюрером. Фаттах достал кое-какие документы и продемонстрировал, что фирмы Дениса Черяги грабили шахту по-черному, и возразить на это Денису было нечего.

– Фаттах, – сказал Черяга, – ты прекрасно понимаешь, что если бы Альбинос был на моем месте, он бы делал то же самое. Потому что у меня не было контрольного пакета. Я не мог это остановить.

Казах улыбнулся и сказал:

– Альбинос никогда не оказался бы на твоём месте. Потому что Альбинос – хозяин, а ты... – и тут временный управляющий помахал в воздухе коносаменами на отгруженный уголь, – а ты дерьмо.

Денис побледнел:

– Фаттах, вам не стоит с нами ссориться. Ты отнял у нас собственность. Ты отнял у комбината сорок тысяч тонн коксующегося угля в месяц. Из-за этого дела может выйти много изжоги. Я, между прочим, все-таки шеф службы безопасности АМК, а не Царандой, которого вы в СИЗО упрятали.

На это Фаттах ответил:

– Если шеф службы безопасности Извольского узнает о банкротстве собственной шахты из новостей, это свидетельствует об уровне службы безопасности. Исчерпывающим образом.

* * *

Спустя два часа после этого содержательного разговора Денис встретился в областном центре с обманутыми совладельцами шахты – представителями двух местных группировок и сорокалетним живчиком-бизнесменом по имени Гриша. Гриша, судя по рваному уху и некоторой легкости движений, деловую карьеру видимо тоже начинал в составе группировки, но потом остепенился, вырос над породившей его средой и ушел в бизнес. Гриша из всех троих единственный отличался некоторой ясностью суждений, из чего Денис немедленно заключил, что именно Гриша-то и являлся организатором всех финансовых схем, ответственных за обнищание шахты, ибо схемы, хотя и были весьма примитивны, все же превосходили интеллектуальные возможности прочих акционеров.

Остальные же двое собеседников Дениса являли собой живое умственное убожество. Совершенно было непонятно, каким образом эти организмы умудрились дорасти до бригадиров и даже акционеров шахты: сам Денис им ничего сложнее поджога ларька никогда бы в жизни не поручил. Следовало надеяться, что третий акционер, местный авторитет по кличке Царандой, много выше их по интеллекту, – но Царандоя, как уже было выше сказано, по договоренности между Цоем и губернатором закрыли в СИЗО.

Оба придурка чрезвычайно быстро напились и начали громко орать, что сей же час поедут резать кишки гаду Фаттаху. При том и в самом деле рвались из-за стола на улицу, где их дожидался серебристый, как крышечка от пивной бутылки, «Лендкрузер». Гриша с Черягой насилу их остановили, бригадиры раздавили еще по поллитровке на брата и согласованно упали мордами в салат, как в дурном кино про новых русских. Официантки ресторана почему-то раскатывали по залу в роликовых коньках, но без лифчиков, где-то в углу уже били друг другу морду, и вся обстановка настолько не соответствовала статусу Дениса, что он сам себе был чрезвычайно омерзителен.

Потом у Гриши зазвонил телефон, тот выслушал сообщение, спрятал мобильник в карман и сказал:

– Царандоя завтра выпустят.

– Точно выпустят?

– Точно, – сказал Гриша, – его на допрос к следователю забрали, завели в кабинет – а там вместо следователя Бельский и Фаттах. Ну, и договорились они, что Царандой отдает им долги шахты, а эти его взамен на свободу опускают. Так что я поехал.

– Куда?

– Долги оформлять. Они ж на мои фирмы записаны, не на Царандоя.

– Я бы мог у тебя долги купить, – сказал Денис.

Гриша долго смотрел на Черягу.

– Извини, – сказал он, – но ты, Денис Федорович, в нашей области никто, и звать тебя никак. А Альбинос губернаторские выборы финансировал. Он меня порвет, как Тузик тряпку...

16 июня должен был состояться совет кредиторов, на котором официально должны были решить, что делать с шахтой, а 14 июня, в субботу, ему предшествовала встреча у губернатора, на которой тот же вопрос решался неофициально. На встрече должен был быть Извольский, но в последний момент у него случилась какая-то накладка, пришлось задержаться в Японии, а в Черловск поехал Черяга.

Несмотря на летнее время и недавний антициклон, в Черловске было неожиданно холодно, на дороге стояли глубокие лужи. Когда машина Черяги въезжала в город, с неба хлынул черный с градом дождь, на центральных улицах мгновенно образовались пробки; пят-

надцатизэтажное, стройное, как свечка, здание областной администрации походило на рождественскую елку, воткнутую куда-то далеко за низкие облака.

В приемной губернатора, обернувшись спиной к Денису, стоял Константин Цой и орал на кого-то по мобильнику. Денис дождался, пока Цой закончит, подошел к нему и сказал:

– Константин Кимович, я должен извиниться за себя и за Славу. Ну, с этим случаем на комбинате. Произошла какая-то дикая накладка. Ребята потом вертолет в воздух подняли. Вас же никто не знает, как Цоя, все говорят – Альбинос...

– Я не вор, чтобы представляться погонялом, – ответил Цой.

Денис раскрыл было рот, но тут Цой повернулся прочь и пошел в кабинет, куда стекались все участники совещания. Участников было человек семь: директор шахты, Фаттах Олжымбаев, новый главный инженер, выписанный Цоем откуда-то из-под Белгорода, да свита Цоя. Ни Царандоя, ни иных колоритных бандюков на совещании не было: от прежних владельцев шахты присутствовали только Денис да Гриша.

С самого начала Денису стало ясно, что дело абсолютно тухлое. Группа «Сибирь» сидела на шахте второй месяц, а сделала там столько, сколько все прочие владельцы не сделали за полтора года. Временный управляющий даже не утруждал себя темой борьбы с акционерами – акционеров для него просто не существовало. Он механическим голосом отчитался о том, что рабочим выплачены долги по зарплате за восемь месяцев, для чего группа «Сибирь» взяла кредит в одноименном банке, что шахта стала рассчитываться с энергетиками по текущим платежам, и что в случае покупки шахты «Сибирью» первым мероприятием группы будет обновление вагонного парка шахты.

Потом слово взял Цой.

Цой говорил очень отчетливо и очень быстро, с предельно ясной артикуляцией, редко встречающейся даже у телеведущего. Он почти не делал пауз между фразами, стремясь впихнуть как можно больше единиц информации в как можно меньшее единиц времени, он вдавался в поразительное количество технических деталей, которые обычно вгоняют в сон чиновников и журналистов, – и все, во что он вдавался, немедленно становилось понятно, интересно и важно для собеседника. Интонацию как средство воздействия на собеседника Цой игнорировал принципиально: его голос звучал бесстрастно, как закадровый перевод боевика, – и так же завораживал слушателя.

Высочайший уровень инженерного мышления Константина Цоя изумил бы любого. Особенно он изумлял Черягу, который хорошо знал, что докторская диссертация Константина Цоя, защищенная им в двадцать три года в институте востоковедения РАН, была посвящена тайным китайским обществам эпохи Сун.

Денис уткнулся глазами в полированную поверхность стола и чувствовал себя совершенно поганом. Где бы и что бы он ни делал, даже если то, что он делал, было не совсем по закону, – он привык иметь для себя стопроцентное душевное алиби: «зато от этого хорошо производству». Можно было обманывать губернаторов, разводить бандитов и даже воровать, и всегда у Дениса было пуленепробиваемое, как кевларовый жилет, оправдание – от этого всем лучше, кроме паразитов. Сейчас, впервые, это оправдание отсутствовало. Да – у АМК отобрали собственность – отобрали нагло, не заплатили ни копейки и вдобавок открыто и беззастенчиво издевались над ахтарскими акционерами. Но другой стороной правды было то, что Денис на этот раз оказался в одной упряжке вместе с мелкими бандюками, приклатненными коммерсантами и угробившими шахту паразитами, – а против него сидели люди, которые наставили синяков акционерам и выплатили зарплату рабочим. Цой умолк, сказав напоследок что-то насчет норм расхода шарочных долот, и губернатор спросил у временного управляющего:

– Фаттах Абишевич, а на Ахтарский металлургический вы уголь сейчас поставляете?

– Нет, – ответил за управляющего Денис, – второй месяц – ни тонны. В нарушение всех контрактов, которые предусматривают подобные поставки до 1 января 2005 года.

– Денис Федорович, – ответил Цой, – берите угля, сколько влезет. Мы вам хоть две вертушки будем в день грузить. Со стопроцентной предоплатой. По двадцать пять баксов тонна. Как этот уголь стоит. А без предоплаты и фирме, зарегистрированной по паспорту покойника – отпускать не будем.

– Очень правильная точка зрения, – сказал губернатор. – А то получается, что вы крадете этот уголь. Как вы считаете, Денис Федорович?

– Мы не считаем, что мы крали уголь, – ответил Денис, – мы считаем, что у нас украли акции. Наша позиция простая – заплатите нам за акции и банкротьте шахту сколько влезет. Иначе я вам обещаю с этим банкротством очень большие проблемы.

– Вы пять раз отбили деньги за акции, – ответил Цой, – когда не платили за уголь.

– Денис Федорович, – сказал губернатор, – я вполне удовлетворен тем, что я услышал от Константина Кимовича. Я полагаю, что имущество шахты будет продано за долги, так, как это предлагает Константин Кимович, и я надеюсь, что с вашей стороны не будет никаких проблем. Иначе я не думаю, что вы сможете продолжать сотрудничать с нашей областью.

– А нам что делать с нашими тридцатью процентами? – не выдержал Денис.

– Запишитесь в общество обманутых вкладчиков, – принципиально игнорируя интонацию, сказал Альбинос.

Через три часа после совещания Денис с Сергеем Ахрозовым встретились в аэропорту с Анастасом Анастасовым. Узнав, что губернаторский фаворит летит в Москву, Денис очень любезно предложил ему поменять рейсовый салон первого класса на личный самолет Извольского. Анастас принял предложение и в пути столь же любезно попросил два миллиона долларов за решение проблемы.

– Это не для меня деньги, это для папы, – сказал Анастас, – а то как так: вы в области сидите, а папу не уважаете.

– А если не получится? – спросил Денис.

– А если не получится, мы вам дадим областной пакет «Белогурскугля». Это даже лучше шахты!

* * *

Денис как можно подробнее пересказал все эпизоды совещания у губернатора. Он понимал, что Извольский будет взбешен, и что Цой на это и надеялся, бросив фразу насчет «обманутых вкладчиков», но утаивать эту информацию он тоже не имел права: Цой явно нарывался на войну, и было бы неправильно, если б Извольский не был об этом оповещен заранее.

– Самое паршивое, – сказал Денис, – что они завели на нас уголовное дело. Там была такая схема, что мы регистрировали фирмы по тухлым паспортам, а потом эти мартышки³ выпускали векселя и этими векселями наша фирма «Новомет» расплачивался за уголь. Так они завели уголовное дело на эти мартышки и на «Новомет» тоже. Просто затем, чтобы мы не рыпались.

– А кто регистрировал фирмы? – спросил Извольский.

– Гриша Епишкин, коммерсант местный. Он по одной схеме и свои лепил, и наши, нам было удобно, мы не возражали. Ну, его теперь тоже плавят.

– Он плавится?

– Нет, он себя прилично ведет. Тут что плохо – там ведь гендиректор был наш, Галкин, так они Галкина купили по сходной цене, и он всех сдал. Как будто он от этого на шахте останется...

Извольский придвинул к себе бутылку и хлебнул прямо из горлышка.

³ Мартышка – фирма-однодневка, через которую отмываются деньги или идут левые финансовые потоки.

– А может, и останется, – сказал он.

– Вряд ли, – сказал Денис, – Галкин слишком большая шваль, а Цой – слишком хороший менеджер.

Глаза Извольского сощурились. Он медленно перегнулся через стол, лицо его оказалось почти у самого лица Дениса, и на Черягу терпко пахнуло дорогим одеколоном и паршивой водкой. Тяжелая рука Извольского, с пухлыми пальцами и коротко подстриженными ногтями, уцепилась за галстук Черяги.

– Запомни, Денис, – сказал Извольский, – если человек умеет заводить уголовные дела на акционеров, это еще не значит, что он хороший менеджер.

Денис промолчал. Он до сих пор находился под впечатлением вчерашней встречи с Цоем. И в глубине души он отдавал себе отчет, что ни один из людей, с которыми он встречался когда бы то ни было, не годился болезненно белокожему корейцу даже в подметки. За исключением, разумеется, самого Извольского. И Денису даже тошно было бы себе представить, что случится, если два этих самосвала налетят друг на друга.

А Извольский выпустил его галстук, откинулся в кресло и сказал:

– В одной Цой прав. Шахту ты довел до ручки.

– А что я мог сделать?

– Обанкротить предприятие вместо Цоя. Ты скажи, что проделал он из того, что не мог бы сделать ты?

Денис взглянул внимательно на директора и вдруг неудержимо покраснел. Он вдруг сообразил, отчего Извольский отдал ему такой странный кусок – тридцатипроцентный пакет, ни рыбу, ни мясо. Денис должен был сам догадаться, как выкинуть других акционеров с шахты. Не обязательно банкротством – действительно, можно было в тюрьму их посадить, или акции арестовать... А вместо этого Денис перечитал закон «Об акционерных обществах», тяжело вздохнул и успокоился.

– Это закон бизнеса, Дениска, – сказал Извольский. – Если кусок плохо лежит, его сожрут. А шахта очень плохо лежала. Цою даже не надо было давать взятку губернатору. Потому что губернатор понимал, что через два года шахту растащат, а голодные шахтеры придут к нему и разобьют палаточный городок перед областной администрацией. А палаточные городки – это, знаешь ли, скверно для рейтинга и для имиджа. И когда Цой сказал, что возьмет шахту, губернатор запрыгал от радости.

– Но ведь я бы отнял у людей их собственность... – возразил Денис, – я понимаю, что они бандиты, но они же акционеры...

– Ну и что, что они акционеры, если они недоумки? – ответил Извольский.

– Тогда почему ты мне не приказал это сделать?

– Потому что тебе пора самому ставить задачи. А не решать те, которые поставил я, – ответил Извольский. Откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и добавил: – Ты знаешь, я бы подсказал. Просто из головы вылетело, когда с Ларой началось...

В кабинете повисло тяжелое молчание. Извольский некоторое время сидел неподвижно, так неподвижно, что Денис даже перестал глядеть на шефа и вместо этого уперся глазами в полированную поверхность стола.

Потом палец Извольского ткнул в кнопку селектора:

– Ахрозоз где? – рявкнул Извольский.

– В приемной, – послышался испуганный голос секретарши.

– Так какого... он там ошивается. Пусть заходит!

* * *

Ахрозов вошел в кабинет почти немедленно, кивнул Денису и сел в кресло наискосок от Извольского. Он был в белом свитере и вельветовых брюках, и взгляд его больше не напоминал взгляд пьяного медведя. Теперь это был прежний, хорошо знакомый Денису Ахрозов, – собранный, невозмутимый производственник, знающий себе цену высокопоставленный вассал стального короля.

Сережа Ахрозов был, безусловно, одним из самых ценных приобретений Извольского за последний год.

Образования у Ахрозова было два – геологическое и инженерное. Геологическое было, можно сказать, получено по наследству – его отец, Изольд Ахрозов, был одним из знаменитых советских геологов и первооткрывателем богатых медно-никелевых месторождений в Таджикистане. Там, на востоке, Ахрозов родился и вырос. Его отец сделал отличную научную и партийную карьеру, семья их была уважаемой и известной: в двадцать пять лет Сережа Ахрозов стал главным инженером Саркайского горно-обогатительного комбината, выстроенного на месторождении, открытом его отцом.

Когда Сергею было тридцать пять, Советский Союз распался.

Первой от Сергея ушла жена. Она уехала в Питер к какому-то кинорежиссеру. Кинорежиссер обещал сделать ее кинозвездой, а сделал наркоманкой. Потом остановился комбинат, который производил черновую медь из сырья ГОКа. Потом остановился сам ГОК.

Рабочие потихоньку разбрелись кто куда и занялись перевозками анаши. Канатная дорога, по которой везли сырье с горы на равнину, была уничтожена. Ее опоры спилили и сдали во вторсырье. Ахрозов пытался бороться с этим. В одной из ночных вылазок он со своими телохранителями беспощадно расстрелял троих рабочих, подпиливавших опору. Двоюродный брат одного из рабочих оказался крупным наркобароном. За сумасшедшим русским директором (к этому времени Ахрозов стал директором ГОКа, прежний давно сбежал на Украину) – началась охота. Неизвестно, чем бы она кончилась, но в декабре 1992 года сошедший с гор селевой поток затопил карьеры.

В 1993 году Сергей Изольдович Ахрозов, тридцати шести лет от роду, оказался в Оренбургской области. Его позвал сам губернатор. У губернатора была идея. Так уж сложилось, что большинство медных заводов – как для получения черновой, так и для получения чистовой меди – в России находились на Урале. Сырья же не хватало, почти все известные месторождения были выработаны, и медный концентрат везли в Россию из Монголии. В то же время в Оренбурге было разведано несколько богатейших месторождений меди, и согласно пятилетнему плану развития народного хозяйства, одно из них, Карачено-Озерское, должно было быть освоено в 1988 году. Оно и было освоено – на бумаге. Тогдашний генеральный директор радостно отрапортовал о пуске предприятия. По шикарной асфальтовой дороге к будущему котловану приехало областное начальство, весело ухнула аммонитовая взрывчатка, и гигантский шагающий экскаватор на глазах партийных и советских работников соскреб с подпоротой взрывом земли первые кубометры вскрыши.

Директор получил Героя соцтруда и звание депутата Верховного совета, партийное начальство уехало, – и так никогда никто не признал вслух, что шикарная асфальтовая дорога вела в никуда. Руда была, экскаваторы были, корпуса были – а в корпусах ничего не было.

К 1992 году месторождение было одним большим пустырем: рабочие жили в бараках, распозаясь кто куда, иностранное оборудование стояло в ящиках на таможне, и на богатейшем месторождении висел призрачный, но гигантский долг перед Внешэкономбанком.

Губернатор Оренбургской области предложил Сергею Ахрозову стать директором несуществующего Карачено-Озерского ГОКа.

Ахрозов согласился. Едва ли не в одиночку, с бригадой из десяти человек, он ходил по заброшенной стройке. То оборудование, что застряло на таможне, он попросту украл, оставив в опечатанном складе пустые ящики. То, что мокло под дождем – вычистил и восстановил. Он лгал, грозил, изворачивался. Он не платил за электроэнергию, не платил налогов и старался не платить зарплаты.

Он спал по три часа в сутки, заработал в ледяной грязи воспаление простаты и туберкулез, который у него не было времени лечить. Легенда гласила, что однажды в 1994 году в Домодедовском аэропорту охрана поймала небритого человека в стоптанных башмаках и линялых джинсах. В руках у человека был чемоданчик, а в чемодане – два миллиарда рублей наличными. Человек назвался директором Карачено-Озерского ГОКа Сергеем Ахровым, а про деньги сказал, что это зарплата рабочим. Охрана свела человека в ментовку, и там оказалось, что небритый человек говорит правду.

Сергей Ахрозов совершил невозможное: в разоренной, нищей России, кишевшей бандитами, ментами и чиновниками, в стране, где никто не платил за руду, из краденого, заржавевшего и нерастаможенного оборудования – он выстроил и пустил Карачено-Озерский ГОК. Без воровства это было сделать невозможно, и Ахрозов не раз и не два переступал порог прямой уголовщины.

Медная руда содержит значительные примеси драгметаллов. Медный концентрат Карачено-Озерского ГОКа был богат платиной и золотом. В сертификатах, выдаваемых областным комитетом природопользования, содержание золота занижалось втрое. Разница пилилась между заводом, производящим черновую медь, Ахровым и чиновниками. Доля Ахрова почти без остатка ушла на реконструкцию ГОКа и на покупку акций ГОКа, которую от имени и на деньги Ахрова вел один мелкий оренбургский коммерсант, бывший институтский приятель Сергея.

К 1997 году ГОК работал и давал стабильную прибыль. Ахрозов нашел возможным повысить зарплату рабочим, с двадцати долларов до тридцати пяти. Он даже немного заплатил газовикам: уж больно те злобствовались.

В октябре 1997 года Ахрова вызвал к себе губернатор. Губернатор тепло поздравил Сергея Изольдовича с выдающимся достижением. Затем он сообщил, как само собой разумеющееся, что ГОК должен войти в некий холдинг, создававшийся губернскими властями. Возглавлял холдинг губернаторский племянник.

Ахрозов отказался. Губернатор отечески пожурил его, мягко поставив на вид, что человек, который второй год не платит налоги и за электроэнергию, вряд ли имеет право в чем-то перечить губернатору. Два года гражданской войны в Таджикистане и три года строительства ГОКа в условиях абсолютного беспредела обучили Ахрова некоторой резкости манер: сорокалетний директор встал и, хлопнув кулаком по столу, заявил, что он не для того делал из дерьма конфетку, чтобы всякая губернаторская сволочь ее хавала.

– Грубый вы человек, Сергей Изольдович, – вздохнул губернатор, – грубый и невоспитанный.

На следующий день энергетики пересмотрели тарифы на ГОКе – увеличив их втрое. Пришла налоговая инспекция с проверкой и насчитала ГОКу два миллиона долларов штрафов. Экологический комитет области внезапно обнаружил в карачено-озерской руде повышенное содержание мышьяка и запретил ее переработку. Региональное отделение комиссии по ценным бумагам и биржам предписало закрыть ГОК в связи с нарушением комбинатом законодательства по ценным бумагам.

Ахрозов бросился по инстанциям – все напрасно. За время работы на ГОКе он так и не оброс нужными связями. Он не давал денег никому, кроме губернатора и его замов. Он не поддерживал политических партий, он не посещал модных тусовок, он не знал важных людей не то что в Москве – в Оренбурге. Он просто тупо, по восемнадцать часов в сутки, ползал в

дерье и грязи, отстраивая производство. Губернатор всегда брал на себя решение всех его проблем: теперь оказалось, что все контакты Ахрозова шли через губернатора, а губернатор хотел его придушить.

Ахрозова сдали все, и первым среди сдавших был его давний прихлебатель и лучший друг, тот самый Андрюша Незванов, который выступал номинальным держателем контрольного пакета акций ГОКа. Да и кто, в конце концов, такой был Андрюша, чтобы спорить с губернатором? Местный коммерсант, торговец никелем, медью и подержанными машинами. Одного наезда налоговой полиции хватило бы, чтобы в корне порушить его бизнес. И Андрюша покорно отдал бывшие у него акции ГОКа в траст новорожденной губернаторской корпорации.

По правде говоря, в акциях Ахрозов разбирался настолько же плохо, насколько хорошо разбирался в производстве. У Сергея хватило ума в свое время понять, что акции ГОКа должны принадлежать ему самому, и что если российское законодательство запрещает покупать эти акции на средства самого ГОКа, значит, надо это законодательство обойти. Но Сергею никогда не приходило в голову придумывать сложных механизмов обхода. Здесь что – Таджикистан? Нет, здесь Россия, Южный Урал, а он, Сергей Ахрозов – директор градообразующего предприятия, лучший друг губернатора и самый образцовый хозяин области, сделавший из несуществующего комбината процветающее хозяйство...

Услышав о том, что акции переданы в траст губернаторской корпорации, Ахрозов взял охранников и поехал из Озерска в Оренбург выяснять отношения. Незванова на месте не оказалось: Ахрозов просидел в его офисе три часа и поехал обратно.

Его остановили на выезде из города, выкинули из машины, обыскали и отвезли в тюрьму. Оказалось, что после отъезда Ахрозова в офисе Незванова нашли гранату. Охранники офиса показали, что гранату мог подкинуть Ахрозов, и что он кричал, что разберется с Незвановым.

Три дня директор градообразующего предприятия сидел среди уголовников. На третий день к нему пожаловал замгубернатора. Замгубернатора показал Сергею Ахрозову два уголовных дела. Первое было то самое, по которому Ахрозов был арестован – дело по факту подготовки покушения на коммерсанта Незванова.

Другое дело было еще серьезнее: оно касалось фактов преднамеренного занижения содержания золота в медном концентрате, незаконного вывоза этого золота за рубеж (в составе черновой меди), и использования доходов с нелегальной продажи золота для покупки акций Карачено-Озерского ГОКа. К делу была подшита его собственная, Ахрозова, жалоба о том, что акции ГОКа были куплены на его, Ахрозова, деньги, и что Андрюша Незванов никак не мог ими распоряжаться.

– Вот видите, как нехорошо получается, Сергей Изольдович, – сказал замгубернатора, – мы-то все думали, что вы о рабочих радеете. А вы, оказывается, обкрадывали ГОК и на уво-
рованное скупали акции. И крал ты, заметь, Сережа, не просто деньги. А золото. А золотой оборот у нас регулируется государством.

Ахрозов слушал зама губернатора не очень внимательно. В первый же день содержания под стражей он объявил голодовку: сейчас у него кружилась голова, и он непрерывно кашлял.

– У тебя, Сережа, есть выбор, – сказал зам губернатора. – Или ты забираешь свою жалобу, и получается, что Незванов передал нам акции совершенно законно. Или мы будем судить тебя за то, что ты завладел акциями мошенническим путем и при этом обманул государство. Светит тебе, Сережа, лет пятнадцать с конфискацией имущества. Но с твоим туберкулезом на зоне ты и этого не проживешь...

– Я свою жалобу не заберу, – ответил Ахрозов.

– Ну и напрасно. Потому что если ты не перестанешь вонять насчет акций, то завод через неделю обанкротят. Ты и ГОКа не получишь, и в тюрьме останешься.

Спустя месяц Сергей Ахрозов вышел из тюрьмы. Следствие по его делу прекратили. Акции ГОКа остались у губернатора.

* * *

Два месяца об Ахрзове не было ни слуху ни духу. В Оренбурге рассказывали, что он живет в Москве, в какой-то невероятной десятикомнатной квартире на Арбате. Что он отсидывается на собственной вилле в Калифорнии. Что он лечится от туберкулеза в швейцарской клинике.

Ахрзов действительно был в Москве – но не в десятикомнатной квартире на Арбате, а в двухкомнатной конуре в Митино, купленной для нужд комбината и по какому-то недоразумению не отобранной, и тихо спивался с местными пенсионерами и бомжами. Бомжи по резкости манер принимали его за вора в законе и весьма перед ним благоговели. Жил он один: гражданская его жена Леся, с которой он прожил в Карачено-Озерске три года, бросила его, когда он оказался в тюрьме и без денег. Дело в том, что Ахрзов подарил Лесе четыре заправки, и после начала конфликта Лесе пришлось выбирать между нищим Ахрзовым и заправками. Через полгода Леся вышла замуж за коммерсанта Незванова.

Однажды, когда Сережа Ахрзов, в своем обычном виде, сиречь стоптанных кедах и драгом свитере, забивал «козла» у подъезда новостройки, к отдыхающим подъехал черный шестисотый «Мерседес». За «Мерседесом» катился джип «Линкольн навигатор» с охраной. Джип остановился, из него высадились двое с автоматами, дружелюбно поздоровались с отдыхающими и, убедившись в отсутствии опасности для объекта, открыли дверцу «Мерседеса». Из «Мерса» высадился невысокий пятидесятилетний человек с намечающимся брюшком и лысым черепом.

Человек отозвал Ахрзова в сторону и немного с ним поговорил, после чего Ахрзов, как был, в джинсах и куртке, загрузился в «Мерс». И тот отбыл с машиной сопровождения в неизвестном направлении.

– Я всегда говорил, что Сережа большой человек, – сказал один из завсегдаев скверика, откупоривая жестянку с пивом. – Наверное, вор. И приехали за ним его товарищи.

Собутельники Ахрзова ошибались. Человек, который приехал за опальным директором, не был вором в законе. Он был банкиром. В перечне его промышленных владений, приобретенных без особой системы и за гроши, значился один из крупнейших ГОКов России, расположенный в черте Курской магнитной аномалии. После двух лет войны банк отобрал ГОК у прежнего директора, который загнал комбинат в жуткую задницу, и теперь банку был срочно нужен квалифицированный управленец, который ГОК из этой задницы вытащил бы.

Кто-то рассказал банкиру об Ахрзове. Тот навел справки и оказался очень доволен. Хозяин банка высоко оценил особенности характера Ахрзова – редкое сочетание организаторских и инженерных талантов с детской непосредственностью во всем, что касалось вопросов собственности. Правда, Ахрзов раньше занимался медью, а не железом. Ну и что? Для хозяина банка что медь, что железо, что никель, – большой разницы не представляли, а Сережа – ну что Сережа? Научится. На то его и поставили замом, чтобы пообтерся...

И Сережа пообтерся. Спустя два месяца ему принадлежало три технических изобретения, внедренных на ГОКе. Спустя четыре месяца изобретений было уже пять. Через полгода Сергей стал главным инженером, еще через месяц оказался и.о. гендиректора. Банкир очаровал его своим обращением. Он носился с Сергеем, как с писаной торбой. Он платил Ахрзову огромную даже по западным меркам зарплату, подарил ему квартиру в Москве и молоденькую любовницу, и когда банкир купил себе новый шестисотый «Мерс», он купил такой же Сергею.

Ахрзов же – вкалывал. В два месяца он распахался со всеми налогами и долгами, не без помощи, впрочем, банка. Энергопотребление на ГОКе по сравнению с соседней Лебединкой и Михайловкой уменьшилось на десять процентов, простой вагонов снизился на сорок три процента. До Ахрзова ГОК ежемесячно кушал десять миллионов долларов, а производил

окатыша на девять с половиной. Спустя полгода реальные производственные затраты сократились до шести миллионов долларов. Из двадцати семи шаровых мельниц у Ахрозова обычно работало двадцать шесть; средний срок эксплуатации оборудования удлинился на полтора месяца. Каждый окурок, забытый в цеху, Ахрозов переживал, как личную трагедию.

Затем случился дефолт.

Московский банк прекратил платежи, его преследовали разъяренные кредиторы, и акции ГОКа были слиты в какую-то оффшорную компанию. Беда была не в этом. А в том, что после того, как банк ослабел, на ГОК начала охотиться группа «Сибирь».

Дважды какие-то карликовые кредиторы, за которыми вставала гигантская тень Константина Цоя, подавали на банкротство ГОКа. Цой перекупил одного из заместителей Ахрозова, и тот слил Цою весь финансовый расклад по ГОКу, Цой поделился этим раскладом с губернатором, и губернатор был взбешен – получалось, что комбинат мог бы заносить губернатору гораздо больше, чем заносил.

Главных гадостей заместитель сотворить не успел. Служба безопасности отследила его контакты, Ахрозов вызвал заместителя в кабинет, заперся с ним и двадцать минут бил его кувшином по голове. После этого Ахрозов велел провести на заводе учения по гражданской обороне. По сигналу вокруг здания заводоуправления собралось восемь тысяч человек, и вышедший к ним Ахрозов произнес горячую речь о том, что трудовой коллектив не допустит перехода завода к новым хозяевам. Трудовой коллектив горячо поддержал Ахрозова. Он знал, что генеральный директор спрашивает, как с троих, а зарплату платит, как пятерым, и не хотел менять Ахрозова на какую-то группу «Сибирь». Смущенный губернатор был вынужден объяснить Константину Цою, что он не может обанкротить ГОК, так как в последнем случае разъяренный народ, того и гляди, разнесет областную администрацию по кирпичику.

В январе 2001 года Ахрозова вызвали в Москву.

В шикарном кабинете банкира Ахрозова ждали двое: сам хозяин банка и сорока-трехлетний молодежавый кореец с белыми волосами. Банкир невозмутимым тоном поставил Ахрозова в известность о том, что последние две недели он вел с группой «Сибирь» переговоры о продаже контрольного пакета ГОКа, и что три дня назад они подписали по этому поводу соглашение. Банкир предложил Сергею Ахрозову уволить всех своих заместителей и написать заявление об уходе в отпуск. Банкир также тепло поблагодарил Сергея Ахрозова, который, по его мнению, являлся одним из лучших производственников России. Банкир заверил, что за Сережей сохраняются его служебные квартиры в Москве и в Белгородской области. А бело-волосый кореец прибавил, что группа «Сибирь», в качестве жеста доброй воли и уважения к побежденному противнику, хотела бы выплатить Сергею Ахрозову причитающееся ему до конца года жалование – где-то около полутора миллионов долларов.

– Ты понимаешь, Сережа, – сказал Цой, – что мы не можем оставить во главе комбината человека, который последние три месяца срал нам где только мог.

Ахрозов понимал это. Он понимал также, что его отчаянная борьба спасла для банкира десятки миллионов долларов. Что не борись он, группа «Сибирь» еще три месяца назад обанкротила бы ГОК и получила бы даром то, что была в конце концов принуждена купить у банка за разумную сумму, размер которой Ахрозову даже не посчитали нужным назвать. И получалось, что от этой драки насмерть банк выиграл, а он, Ахрозов – потерял все.

Сергей Ахрозов кивнул головой и пошел вон из кабинета. У лифтовой шахты, напротив стеклянной стены, из которой открывался роскошный вид на отделанный мрамором и сталью внутренний дворик банка, его догнал Константин Цой.

– Как насчет того, чтоб поужинать вместе? – сказал Цой. – Завтра, в «Балчуге»?

– Я не любитель ходить по кабакам, – отозвался Ахрозов.

– Не пори горячку, – сказал Цой, – ты представляешь, сколько ты стоишь? Ты стоишь больше, чем весь этот долбаный банк. Менеджеров твоего класса в России я могу пересчитать

на пальцах. Причем не снимая ботинок. Сдай дела. Посиди в отпуске месяц. Успокойся. Потом мы переговорим. Я же не живодер.

– На этот счет существуют разные мнения, – сухо сказал Ахрозов.

Сергей Ахрозов отужинал в «Балчуге» спустя неделю. Но не с Цоем. Его сотрапезником был Вячеслав Извольский, компания которого только что подала заявку на участие в аукционе по приватизации Павлогорского горно-обогатительного комбината.

Извольский поднялся навстречу Ахрозову, и на широком его, как лопата, лице, впервые за все время разговора неожиданно нарисовалась улыбка.

– Ну что, попил пивка с Анастасом?

Ахрозов пожал плечами.

– Да я не помню ничего. Там деловой разговор был, нормальный. Мы договорились почти. Он два лимона просил...

– За шахту?

– Ну... за шахту, или за «Белогорскуголь». Предприятие в том же городе, разрез и обогатительная фабрика. Мы через одну эту фабрику...

– Что скажешь, Денис?

– Разумное предложение. Не думаю, чтобы они вернули нам шахту. А вот разрез с фабрикой – пожалуй. Анастас нас пока не обманывал. Он натравил на нас Цоя, теперь ему выгодно наше усиление.

– *Ему* выгодно, – тяжело сказал Извольский, интонацией подчеркивая слово «ему». – Почему я должен играть так, как выгодно губернаторской подстилке? А? Я завтра лечу в Нью-Йорк. Тема встречи: размещение облигаций Ахтарского металлургического комбината. Объем займа – двести миллионов. Меня ждет глава «Меррилл Линч». А здесь, внутри страны, я должен играть по правилам, которые диктует мне пидор? Здесь отняли, там стравили, тут засушили? Два миллиона долларов за то, чтобы Цоя опустили, как опустили нас. Еще какие плодотворные идеи? Может, кокаин Степе Бельскому подкинуть?

В переговорной наступила долгая тишина. Ахрозов звякнул бутылкой о край стакана, наливая себе минералки. Было слышно, как он пьет – жадно, слегка побулькивая.

– Кто такой Леша Панасоник? – спросил Извольский.

Ахрозов поднял брови.

– Придурок один мелкий. Бандючок. Мы на его примере хотели проучить местных уродов. Он вчера ко мне в приемную прибежал. Я не принял. Приеду, приму.

– Опоздал ты с приемом, – сказал Извольский, – его ночью медведь съел.

– Как – медведь?!

– А так. Сначала его пристрелили, а потом кто-то загнал в дом мишку.

Ахрозов протяжно свистнул.

– Итак, два миллиона? – спросил Извольский.

Менеджеры смущенно молчали. Черяга уже понял, что никакого согласия на предложение Анастаса не будет. Ахрозову, по сути дела, судьба шахты была безразлична. Он еще не разгребся на ГОКе.

– Ладно, – сказал Извольский. – Бог с ней, с шахтой. Есть одна идея.

Денис вскинул голову.

Извольский зашевелился в кресле. Рука директора – белая пухлая рука с короткими пальцами и дорогим «Константином Вашероном» на запястье – придвинула к себе лист бумаги. Извольский взял ручку и нарисовал не очень твердый, похожий скорее на завиток улитки круг.

– Ахтарский металлургический, – сказал Извольский.

Через мгновение лист украсился вторым кружком, поменьше.

– Павлогорский ГОК. И между ними – железная дорога.

Изображение железной дороги тоже появилось на бумаге в виде черты, соединяющей оба кружка.

Директор сел прямее.

– Теперь, Денис, смотри. ГОК делает окатыш и везет его по железной дороге в Ахтарск. АМК делает из окатыша сталь, а из стали – рельс. И расплачивается рельсом с железной дорогой.

Так?

– Так, – сказал Черяга.

– Не так! – взорвался Извольский. – Потому что окатыш везет не железная дорога, а небезызвестный тебе Горный. И рельс мы даем не железной дороге, а опять-таки Горному. Спрашивается, какого черта там сидит этот Горный и расплачивается за мой окатыш – моим же рельсом?!

Денис сморгнул. Насчет «небезызвестности» Горного Извольский сильно преувеличивал. Афанасий Горный был местный черловский коммерсант, какими-то путями сдружившийся и с губернатором, и с МПС. Часть его бизнеса была связана с железнодорожными перевозками. Горный был настолько влиятелен, что в свое время, когда ГОК еще не принадлежал Извольскому, Извольский платил только Горному, за перевозку, а за окатыш благодаря этому не платил. А когда Горный понял, что через пару лет такого хозяйствования перевозить будет нечего, именно Горный свел Извольского с губернатором и Анастасом и помог купить ГОК.

Горный никогда не входил в число потенциальных противников или объектов поглощения, и поэтому особой информацией Денис о нем не располагал. Слышал только, что последние полгода бизнес Горного развивался настолько удачно, что тот вытеснил всех остальных железнодорожных посредников и стал практически монополистом по железнодорожным перевозкам в пределах Южносибирского округа и Северного Казахстана.

– Шестьдесят процентов в стоимости окатыша составляет дорога, – сказал Извольский. Куда идут эти деньги? Эти деньги идут губернатору, а губернатор дает их своему любимому Анастасу, а нас Анастас на эти деньги трахает! А потом дорога куда-нибудь провалится, потому что не ремонтируется, Горный на Канары свалит, а я останусь и без денег, и без рельса, и без дороги – Ахтарск тут, а Павлогорск там!

Извольский помолчал и вынул из верхнего ящика стола пластиковую папку с бумагами.

– Я договорился с Ревко, – сказал Извольский, – он учреждает государственное унитарное предприятие «Южсибпром». Для него скидки с тарифа составят до шестидесяти процентов. Всей черновой работой по организации перевозок займешься ты, Сережа.

Денис мысленно присвистнул. Бог с ним, с окатышем. Довезти, к примеру, экибастусский уголь до Черловской ГРЭС стоило сейчас, согласно тарифу, двенадцать долларов тонна. По ставкам Горного выходило около восьми долларов, по предполагаемым ставкам «Южсибпрома», – меньше пяти. Было ясно, что Горный вылетит с рынка, – а вместе с ним пострадает и губернатор, связанный с Афанасием Никитичем неясными, но теплыми финансовыми узами. А может быть, и не вылетит. Ведь новой компании даже не обязательно самой возить грузы, достаточно перепродавать свой пятидолларовый тариф тому же Горному по семь с половиной долларов...

– Мы, – сказал Извольский, – вложились в модернизацию ВПК, и Александр Феликсович Ревко обещал нам поддержку свою и президента. Для нас скидка на перевозки в пределах округа составит до восьмидесяти процентов. В обмен на фиксированные цены на наш рельс.

Вот теперь Денис понял. Это было открытое перераспределение финансовых потоков Южной Сибири от черловского губернатора в пользу полпреда Ревко.

– Все ясно? – сказал Извольский.

– Нет, не все, – ответил Денис. – Почему мы вышибаем Горного с рынка? Это его бизнес, и мы ему обязаны.

– Потому что Афанасий Горный и Константин Цой слишком дружат в последнее время, – ответил Извольский.

Денис оглянулся на Ахрозова: тот был удивлен и несколько встревожен. Как ни страдал он от цен Горного, это была явно не его идея. Последний кусочек головоломки лег на место. Теперь Денис понял, почему Сляб пытается уничтожить бизнес человека, который и привел его на ГОК. Да, это была красивая комбинация. Вертолеты в обмен на поддержку президента. Поддержка президента в обмен на железнодорожные перевозки.

Да, маленький фаворенок Анастас Анастасов рассчитал все очень хорошо. Зазвать Цоя на шахту им. Горького, пользуясь враждой Извольского с Цоем. Выманить у Извольского взятку за возвращение. Выманить у Извольского другую взятку за соседний разрез. Выманить новую взятку у Цоя...

Только вот не будет хозяин Ахтарского металлургического комбината Вячеслав Извольский играть по правилам Анастаса. Он сочинит собственные правила. Пусть Цой сидит на шахте – но по какой цене повезет Цой ворованный уголь с Белогурья, и повезет ли вообще? И что будет с прочими заводами Цоя в Южносибирском округе, *если на эти заводы нельзя будет ничего ни привезти, ни вывезти?*

У Цоя прекрасные отношения с губернатором. Он может захватить любое предприятие в области. Кроме одного – государственного унитарного предприятия «Южсибпром». Ну и пусть захватывает все, что угодно – «Южсибпром» отрежет захваченное от сырья, комплектующих и рынков сбыта.

Все было хорошо. Плохо было только одно. Извольский хотел поквитаться с Цоем. А месть – плохой советчик. Иначе бы эта операция была бы выверена до мельчайших деталей. Иначе бы еще два месяца назад Денис получил задание составить досье на Афанасия Горного...

На Дениса внезапно повеяло холодом. Они ввязались в рельсовую войну – а он, вице-президент холдинга и куратор службы безопасности, узнает об этой войне уже после того, как она началась. И как началась, спрашивается? Пьяным скандалом со стрельбой в воздух.

Не самый лучший способ начинать войну с Константином Цоем.

* * *

Обыск в доме Панасоника в Павлогорске продолжался три часа. Голодные опера под шумок съели всю колбасу в холодильнике и конфисковали для домашнего просмотра несколько кассет из богатой порнографической видеотеки.

Ничего особо примечательно не нашли, если не считать семи тысяч долларов, заверченных в грязный конверт и брошенных в один из ящиков комода вместе с грязным бельем.

Судмедэксперт осмотрел то, что осталось от Панасоника, и установил, как и следовало ожидать, что мишка старался уже над мертвым телом. Смерть бандита произошла от двух девятимиллиметровых пуль, выпущенных в спину и в голову с близкого расстояния. Второй выстрел, согласно старому доброму обычаю, был контрольный. Стреляли люди, которых Панасоник хорошо знал: иначе он не пустил бы их в дом и не повернулся к ним спиной.

Незадолго до смерти Панасоник пил с этими людьми водку. После расправы товарищи предусмотрительно вымыли стаканы, из которых угощались, произвели в доме легкий обыск, и удалились, не добравшись до семи тысяч долларов.

– А ведь похоже, они искали не деньги, – задумчиво сказал Самарин, рассматривая грязный пакет с наличкой. – Дела у Панасоника были плохи, вряд ли у него было больше...

После этого Самарин велел позвать к себе двух сотрудников «наружки», которые пасли Панасоника вот уже неделю.

Сотрудники поднялись в разоренную гостиную спустя пять минут. Звали их Игорь Крупцов и Аркадий Висягин. Крупцов был низеньким и лысым, а Висягин был весь в каких-то красных пятнах.

– А скажи мне, – окликнул Самарин судмедэксперта, – когда ты, говоришь, убили нашего пассажира?

– С часу до четырех. Утра.

Самарин кивнул и зашелестел бумагами.

– А скажите мне, – спросил он сотрудников «наружки», – почему у вас в рапорте указано, что в два, три, четыре, а также пять, Леша Панасоник дрых в своем доме, когда он вовсе не дрых, а мучительно помирал?

Крупцов и Висягин переглянулись.

– Да вы рассказывайте, – подбодрил их Самарин.

Крупцов и Висягин стали рассказывать.

Они пасли Лешу Панасоника с одиннадцати утра.

Панасоник выпростался из дому в полпервого, погрузился в джип и поехал в известную точку, – ресторан «Исток», принадлежавший коммерсанту Горному. Там Леша по кличке Панасоник отзавтракал с главой городского водоканала по кличке Минтай, – видимо, эти двое обсуждали насущные вопросы водоснабжения, а может, и вопросы политические, благо глава водоканала, в прошлом имевший две судимости, в настоящем возглавлял городскую организацию партии СПС.

Вдоволь наговорившись о политике и водоканале, Леша Панасоник направил свои стопы в спортзал, а оттуда – в гостиницу «Орленок», проходившую во всех милицейских ориентировках как гнездо Мансура.

Мансур тоже был в гостинице: их видели на террасе кафе вместе с Панасоником, и нельзя сказать, чтобы разговор этот был мирный. Закончился разговор тем, что Панасоник перемахнул через ограду, прыгнул в джип и поехал в заводоуправление Павлогорского ГОКа.

В заводоуправлении Панасоник пробыл четыре часа. Что он там делал, «наружка», натурально, не знала. Самарин позвонил охранникам в заводоуправлении. Те сказали, что Панасоник действительно приезжал и просился на прием к Ахрозову. Его пустили в предбанник, где он и просидел с шести до десяти. Он бы сидел и дольше, но пришла охрана и сказала, что рабочий день кончается, а Ахрозов сорок минут как уехал в аэропорт.

Домой Панасоник вернулся в одиннадцать вечера, – и по мере того, как Висягин и Крупцов приближались в своем отчете к этому моменту, глаза их становились все блудливее, а голоса – все тише.

По инструкции «наружка» должна была заехать в поселок и караулить Панасоника до упора, пока эстафету в девять утра не примет следующий экипаж.

Но Крупцов и Висягин решили схитрить. Как только в доме погас свет, парочка отвалила в кабак – попить пивка. Они собирались вернуться, но сладкая жизнь затянула ментов. В кабаке образовались несколько знакомых, кто из милиции, а кто и совсем наоборот. Началось веселье, жизнь заиграла яркими красками и пивной пеной. Расползлись к пяти утра: Крупцов и Висягин поехали к приятелю отсыпаться, а часам к девяти появились на точке и храбро отрапортовали, что подопечный их спал у себя дома сном праведника, и что никто к нему не являлся.

В три часа восемнадцать минут обыск был прерван одним незначительным происшествием.

Около дома Панасоника остановился белый, как антарктический лед, «Мерседес», и из него выскочили два стокилограммовых бугая. Один из бугаев цыкнул на журналистов, слетевшихся к дому, как мухи к початой дыне, а другой почтительно отворил заднюю дверцу машины. Оттуда высадился пожилой человек в черной рубашке и с лицом морщинистым, как косточка от персика. Амбалы расчищали ему путь, как ликторы – римскому консулу. Это был

ни кто иной, как босс Панасоника и главный бандит Павлогорска – Артем Мансуров по кличке Мансур.

Мансур вошел в дом и начал подниматься на второй этаж. Навстречу ему по лестнице менты волокли мертвого мишку. За мишкой спускался Самарин.

– Где Леша? – спросил Мансур.

Самарин приложил руки ко рту и заорал на весь дом:

– Гридин, покажи!

Мансур молча поднялся за лейтенантом Гридиным на второй этаж. Братки шли за ним след в след. Леша Панасоник по-прежнему лежал в постели. Рядом сутился эксперт. Крови было так много, что кое-где она не впиталась в простыни, а застыла багровыми лужицами, и лужицы эти сверкали, отражаясь в фотовспышках. Очень много крови вытекло из мишки.

Когда Мансур спускался обратно, он увидел, что начальник павлогорского РУБОП сидит в холле на кадке с пальмой и пьет пиво.

– Привет, Мансур, – сказал Самарин, – спасибо, что заехал. У меня к тебе вопрос.

– Ну?

– К тебе Панасоник вчера приезжал?

– Не помню.

– А «наружка» говорит, что заезжал. Он сначала по городу ездил, у Минтая деньги просил, а потом к тебе поехал.

– Зачем ему деньги-то собирать?

– А он тебе был должен, за партию героина. Ту, которую мы изъяли. В Доме Культуры. Вы о чем говорили?

– Ни о чем. Олежек, какой героин? Ты меня знаешь, я героином не торгую. И о Доме Культуры я впервые слышу.

– А у меня есть такие данные, что вы говорили о его проблемах. Он сказал, что это ты его втравил в драку с комбинатом. Ты сказал, что это проблемы Панасоника, а он ответил, что если ты ему не поможешь, он сдаст всю вашу гоп-компанию.

– Это кто ж тебе, Олежек, так наврал? Нехорошо ментам врать, а вот поди ж – наврали.

Самарин поднял за хлястик мобильный телефон.

– Панасоник.

– Не понял.

– Панасоник от тебя поехал в заводоуправление. К Ахровову. Просидел там четыре часа, Сережа его не принял. Он поехал домой. Позвонил мне. Он мне все это и выложил. Ну, я ему сказал, что мы поговорим. Сегодня.

– Жаль, – сказал Мансур, – что он уже не может эту хрень подтвердить.

– Ты не понял, Мансур. Мой телефон на контроле. Все звонки пишутся.

Когда Мансур вышел из дома, к нему на пороге подскочил корреспондент областного канала.

– Господин Мансуров, – сказал корреспондент, – вы кого-нибудь подозреваете в этом убийстве?

– Я никого не подозреваю, – сказал Мансур, – я только знаю, что у меня был друг Алексей Исханов. И что новоявленная служба безопасности Павлогорского ГОКа вкупе с городской милицией травили его последние несколько месяцев. Что они завели против Леша дела, что они подкидывали ему наркотики, арестовывали его, выселили из дома. И когда он не сдался, не пошел на компромисс со ставленниками олигархов в правоохранительных органов, он был застрелен.

Мансур повернулся от камеры и сел в машину. Оператор, повернувшись, долго снимал, как Мансур отъезжает от дома в сверкающем белом «Мерседесе».

* * *

Воскресенье приносит крупному российскому менеджеру массу приятных моментов. Вместо отглаженного пиджака можно надеть спортивный свитер, встречи из офиса перенести в ресторан или лобби отеля, а самый рабочий день закончить часам так к пяти-шести вместо одиннадцати вечера.

Не избежал всех этих мелких радостей жизни и Черяга: спустя два часа после разговора с Извольским, отдохнувший и посвежевший, он сидел в казино гостиницы «Кремлевская».

Здесьнее казино было небольшим и вызывающе элитарным – ничего похожего на бесконечные, напоминающие сборочный конвейер столы какого-нибудь развлекательного комплекса «Кристалл».

Игровых столов было всего три, сразу за ними располагался небольшой бар, а оттуда лесенка вела наверх, в VIP-зал. Денег постояльцы казино не считали, имея обыкновение оставлять в нем не меньше десяти тысяч зараз, а лишних посетителей не бывало уже потому, что за вход причиталась сотня баксов.

Черяга оказался в «Кремлевской» из-за зама генпрокурора, назначившего ему встречу в этом месте. Бывший сослуживец Черяги любил поиграть в рулетку и при случае всем рассказывал, как однажды выиграл в «Кремлевской» двести тысяч долларов. В другой раз он оставил там же семьсот пятьдесят тысяч.

Денис и чиновник обсудили все интересовавшие их дела, а потом зам. генпрокурора извинился и, подхватив тарелку с заказанными бараньими ребрышками, отбыл к зеленым столам. Черяга распорядился, чтобы его машину подали к выходу, и охранник отдал ему отложенный на время разговора мобильник. Мобильник немедленно начал орать.

– Какие люди!

Кто-то ударил Черягу по плечу и бесцеремонно плюхнулся рядом.

Черяга обернулся.

Человек, усевшийся в кресло, выглядел лет на сорок. У него было невысокое, поджарое тело, узко посаженные глаза и твердый подбородок скобкой. Черные волосы его были коротко стрижены, открывая две небольших ранних залысины на висках и смешно оттопыренные уши. При взгляде на эти узко посаженные глаза Денис всегда вспоминал, что у травоядных глаза расположены ближе к ушам, чтобы как можно лучше видеть все потенциальные источники опасности, а вот у хищников – ближе к носу, чтобы как можно лучше видеть хвост жертвы.

Человека, севшего рядом с Денисом, звали Степан Бельский – он был лидером одной из крупнейших российских преступных группировок и партнером Цоя.

Степан Дмитриевич Бельский был силен, хитер и везуч: он выжил в девять лет, заблудившись в сибирской тайге, побеждал во всех школьных драках, и уцелел в 1983-м, когда пилютируемый им МиГ развалился на части над афганскими горами от прямого попадания «стингера». Ему посмертно пожаловали Героя Советского Союза. Через девять месяцев покойник объявился в расположении части в белоснежной чалме, американской «М-1» за плечами, и с навыками, которым обычно не обучают летчиков.

В начале его криминальной карьеры новенькая «Девятка», в которой сидел он сам и трое пьяных членов его бригады, лоб в лоб столкнулась с «КамАЗом». Все, кто сидел в «Девятке», погибли на месте, кроме Бельского. Бельского выбросило через лобовое стекло в сугроб, и он отделался сломанной рукой.

Спустя полтора года рядом с его «БМВ», ехавшим за город, взорвалась дряхлая «Шестерка», набитая тротилом и железными шариками величиной с яйцо. Машину сопровождения смяло, как использованную прокладку. Бельский ехал на заднем сиденье, вместе с очередной женой, с которой он развелся через три года. По пути на дачу Бельский спустил с жены

трусики, и они занялись любовью. Головы обоих оказались ниже спинки сиденья, и стальные шарики, пробив броню, пролетели над Бельским. Один разворотил плечо водителю, другой угодил в голову бойцу на переднем сиденье.

Через три дня, когда павших бойцов отпевали в церкви, возле паперти остановился старенький «Фольксваген», и из него вышел человек с чемоданчиком в руке. В чемоданчике лежал заряд тротила, способный разнести церковь на кирпичики. Человек находился в тридцати шагах от входа, когда радиовзрыватель сработал: видимо, от чужого пульта сигнализации.

Чудовищный план, который в случае удачи уничтожил бы всех, находившихся в церкви, должен был убедить Бельского, что покушение – дело рук сторонней организации: как раз в это время Бельский задрался с ореховскими. Поэтому после отпевания он поехал на квартиру Леха Никодимова, своего ближайшего друга, который пять лет провел в тюрьме и, освободившись два месяца назад, был недоволен своей уменьшившейся ролью в группировке. Никодимов сказал:

– Надо поговорить. Только без ребят, потому что есть у меня впечатление, что кто-то из пацанов стучит.

Никодимов тоже, разумеется, был в церкви.

Они приехали в небольшую двухкомнатную квартиру Никодимова и прошли в маленькую кухню с круглым столом и розовенькими занавесками на окнах. На столе лежала папка с документами, тщательно перевязанная тесемками, а перед столом стояла тяжелая винтовая табуретка со стальной ножкой.

– Почитай это, – сказал Никодимов, – а я сейчас еще кое-что принесу.

Никодимов исчез в соседней комнате, а Степан сел на табуретку и принялся развязывать тесемки.

Как только он склонился над папкой, из соседней комнаты бесшумно появились двое: Леха Никодимов и его брат. Никодимов вынул топор и изо всей силы лезвием саданул по макушке Степана. Бельский рухнул лицом на стол, не издав ни звука. Брат Никодимова осторожно ткнул его ножом в шею, но Бельский не шевелился.

– Готов, – сказал Никодимов.

В ванной у них были припасены три полиэтиленовых мешка и топор. Никодимов с братом намеревались разделать Бельского на окорочка и схоронить где-нибудь ночью, а остальным членам группировки они бы сказали, что Бельский решил скрываться до конца боевых действий. Война с ореховскими позволила бы Никодимову вновь завоевать утраченное лидерство. Через два года о Бельском бы никто и не вспомнил.

В следующую секунду Бельский выпрямился. Под левой его рукой оказался небольшой переносной телевизор, который показывал шоу с собаками. Выпрямляясь, Бельский схватил телевизор и швырнул его в окно. Телевизор пробил стекло, сорвал занавески, и рухнул на проезжую часть в десяти метрах от дома, мало что не на крышу пасшей Бельского «наружки».

Затем Бельский встал и сгреб бывшую под ним табуретку. Это была винтовая табуретка с тяжелым стальным стволом, и весила она килограммов десять. Табуретка была уже вся липкая от крови, так как Бельский был без сознания почти полторы минуты. Бельский обернулся и увидел, что за ним на пороге кухни стоят Никодимов и его брат Николай. Глаза у обоих были круглые от ужаса и изумления. Леха Никодимов держал в руках топор, а брат трясущимися руками полез за пистолетом.

Бельский размахнулся и швырнул табуретку в Николая. Тяжелая стальная ножка пробила ему переносицу, и Николай умер на месте. Леха заорал и ударил Бельского топором. Степан поймал его руку, зажал под мышкой и переломил пополам. Никодимов упал на пол, а Бельский сел на него верхом и стал душить. Кровь заливала ему глаза, и он терял сознание.

– Врешь, – прошептал Никодимов, – ты сейчас подохнешь.

В эту минуту дверь в квартиру с шумом обрушилась, и внутрь ворвались трое оперативников, следивших за Степаном с утра. Как только из окна квартиры, которую они пасли, вылетел телевизор, оперативники поняли, что дело неладно.

На память об этом происшествии Степану Бельскому остался шрам, пересекавший голову от макушки и до затылка. Ему удалили часть мозга, и врачи с тревогой ожидали последствий. Однако рана никак не затронула умственных способностей хитрого и везучего бандита. Единственным ее следствием было то, что со времени этого ранения у Бельского больше никогда не болела голова.

Пока Степан лежал в больнице, бойцы Бельского перебили остатки мятежников, и первенства его больше никто не оспаривал. А еще очень скоро легендарное время перестрелок сошло на нет, все обзавелись десятками милицейских охранников и перестали лично бить морды должникам.

Бельскому стало скучно.

Он просаживал огромные деньги в казино, катался на горных лыжах и увлекался затяжными прыжками с парашюта, но все это было не то. Скука не проходила.

Последняя из выходов Бельского окончилась бы жутким скандалом, стань о ней известно в прессе. Лидер одной из крупнейших российских группировок, прославившийся враждой со «зверями», бывший летчик, герой Советского Союза, взял на полное довольствие один из авиационных полков, воевавших в Чечне.

До Степана средний налет боевых летчиков в полку составлял десять часов в год; молодые парни металась в небе, как необученные жаворонки, сбрасывали бомбы куда придется и как-то даже не смогли разбомбить караван из сорока грузовиков.

Никто не знал достоверно, на каких именно условиях была оформлена эта добровольная помощь российской армии, поговаривали, что Бельский сам под чужим паспортом был приписан к полку и даже совершал боевые вылеты. Летчики начали нормально питаться; керосина вдруг появилось море, летчики выбирали прицельные объекты для бомбометания и однажды, в течение десяти минут, грамотно используя предоставленные кем-то данные разведки и аккуратно выполняя команды ведущего, – разнесли колонну боевиков, спешивших на выручку запертого в мешок Хаттаба.

После этого штабной генерал, выросший на пропагандистской работе, получил от Хаттаба шестьсот тысяч долларов и открыл боевикам коридор. Бельский, черный от грязи и загара, в оборванном летном комбинезоне, явился в штаб и стал разговаривать с генералом примерно тем же тоном, с которым он стал бы разговаривать с накосорезившим коммерсантом.

– Ты как со мной разговариваешь, капитан, – возмутился штабной генерал, – да я тебя... да ты у меня...

Бельский ласково взял генерала за шкирку и оторвал от пола.

– Я не капитан, я Степан Бельский, – сказал человек со звездочками капитана ВВС, – а ты покойник, понял?

Скандал был оглушительный. Бельский вылетел из Чечни, а генерал – из армии. Одна из крупнейших российских финансовых групп вздохнула с облегчением – Константину Цюю вовсе не улыбалось лишиться своего партнера и друга. Мирил Бельского и генерала один из заместителей администрации президента.

После этого Бельского захватила новая идея: он стал водить дружбу с молодыми конструкторами и летчиками-испытателями, упросил Цюю отдать ему Черловский авиазавод и стал всерьез финансировать разработки истребителя пятого поколения. НИИ Приборостроения получил от него пятнадцать миллионов долларов на доработку активной фазированной решетки, ЛИИ им. Громова – бесплатное авиационное топливо, Московский авиационный институт – стипендии для лучших студентов. Ради самолетов Бельский был готов даже договариваться с Цоем об уменьшении своей доли в общем бизнесе группы «Сибирь».

Бельский с Черягой познакомились достаточно случайно, – их представили друг другу общие друзья на каком-то австрийском горнолыжном курорте. Денис и Степан употребили на двоих шесть литров пива и успели за пивом обсудить все на свете, начиная от качества австрийских сосисок и кончая охотой на кабана. Не говорили они только о бизнесе – своего хозяина и своего партнера. Денис был приятно поражен холодным здравомыслием Бельского, а Степан высказался в том смысле, что «мусор, он, конечно, всегда мусор, а так приличный парень».

Бельский часто появлялся в казино, благо «Кремлевская» вся, начиная лощеным швейцаром в подъезде и кончая последней кухонной девкой, принадлежала ему. Но сейчас он видимо пренебрег игрой и бесцеремонно шлепнулся в кресло рядом с Черягой.

– Что там у вас стряслось с Альбиносом? – спросил Бельский.

– Ничего, – ответил Денис.

Он меньше всего хотел, чтобы Бельский взялся посредничать в конфликте с Цоем. Посредничество Бельского стоило обычно половину бизнеса.

– А что такое шахта имени Горького?

– А... это... Дерьмо собачье... – сказал Денис. – Убыточное производство. Нам там обломился небольшой пакет акций, мы поглядели, поняли, что прогорим, и съехали оттуда. Не знаю, зачем Альбинос его взял. Надеюсь, ты не в доле? А то это все равно что прииски в Якутии покупать. Бельский сморгнул.

Покупка золотого прииска «Лихоборский» в республике Якутия-Саха была одной из самых неудачных операций группы Цоя. Во-первых, в борьбу за прииск неожиданно вмешалась куча народу, и группе – редчайший случай в истории российской приватизации – пришлось выложить за прииск довольно солидную сумму. Был 1994 год, денег тогда у группы было меньше, чем сейчас, и в целом их можно было истратить с большей пользой. Во-вторых, цена золота на мировом рынке вскоре упала, расчетную окупаемость пришлось пересмотреть, и прииск из рентабельного превратился в убыточный. В-третьих, когда группа явилась в Якутию, ее на прииске встретили местные бандиты, разбираться с которыми пришлось Бельскому. Бельский потратил кучу денег и людей, разобрался, – и тут оказалось, что разработка месторождения все равно нерентабельна, и ему пришлось бесславно убраться из Якутии, как Наполеону из России, оставив завезенную технику местным морозам, оленям и бандитам.

Рассказывали, что прииск в Якутии был куплен именно по настоянию Бельского, который в силу своего бандитского происхождения в производстве тогда не рубил, зато знал, что золото – это вещь. После этого между Бельским, Цоем, и еще одним южнокорейским партнером состоялся продолжительный разговор, вследствие которого Степан Дмитриевич Бельский больше никогда никаких самостоятельных решений о покупке и продаже промышленных владений группы не принимал.

При упоминании Якутии по скулам Бельского заходили желваки, он насупился и сказал:

– А я слыхал, что дело было по-другому.

Денис вопросительно поднял брови.

– Я слыхал, – сказал Бельский, – что у вас там был контрольный пакет, ну, часть пакета была записана на вашу тамошнюю крышу, и когда Альбинос увидел, что вы устроили с шахтой, он был такой злой, что крыша ваша залетела в СИЗО.

Эти слова Денису до крайности не понравились. Одно дело – спереть у соседа тряпку, о которую на дворе ноги вытирали. Тряпку, конечно, жалко, но можно как-то перетерпеть. А вот если при этом ходить и рассказывать, что ты не тряпку у дверей спер, а вломился в квартиру и гробанул сейф с фамильными бриллиантами...

– Рылом Царандой не вышел, чтобы крышу держать АМК, – ответил Денис, – это все равно что сказать, что ваша крыша живет в Якутии. Нам от этой шахты были одни убытки...

– А что ж вы за нее деньги просили?

– А что ж мы, дураки даром отдавать, если можно за деньги впарить?

– Привет, Денис!

Денис оглянулся. Сзади, в шикарном свитере от Кензо и мягких вельветовых брюках, стоял полпред Ревко.

– Видел я ваш вертолет, – сказал Ревко, – мечта, а не вертолет! Будь у нас десять лет назад такие, мы бы Афган как муху придавили!

Денис и Бельский встали.

– Вы знакомы? – спросил Денис.

Полпред усмехнулся.

– Мы со Степаном в прошлом году охотились. Степан-то на спор промазал, а я трех уток влет подстрелил. Я ему и говорю: «Это, парень, тебе не в темном подъезде из пистолета в затылок стрелять, тут навык нужен».

Лицо Бельского осталось совершенно невозмутимым. Госчиновник оскорблял его, и оскорблял намеренно. Степан давно уже ни в кого не стрелял из пистолета, разве что в Чечне – но и там дело наверняка происходило не в подъездах, ибо чеченские подъезды давно пали жертвой антитеррористической операции. В любом случае напоминание о собственном генезисе хозяину «Кремлевской» было так же неприятно, как было бы неприятно светлейшему князю Медичи напоминание о том, что три золотые шара на его гербе суть ни что иное, как тючки с шерстью, перевозившиеся предками из Милана во Флоренцию.

– Я не чекист, – ответил Бельский, – не люблю охотиться на тех, кто не может стрелять в ответ.

– А что твой «Сапсан», он будет на выставке?

– Обязательно.

– А я слышал, что он у тебя еще ни разу не взлетел.

– Я сам на нем летал.

– Не боишься? Говорят, эта ваша этажерка в каждом полете ломается.

– Лучше погибнуть в небе, чем жить в канаве, – ответил Бельский.

Полпред обернулся к Денису.

– Пойдем, Денис Федорович, у меня есть к тебе предложение. И, не дожидаясь ответа, зашагал к выходу из казино, туда, где в длинном холле располагался один из лучших московских японских ресторанов. Денис повернулся и пошел за полпредом.

– Зря вы так, – сказал Денис.

Полпред помолчал. А потом вдруг сказал вполголоса:

– Степан Бельский – убийца, преступник и негодяй. Таким, как он, не будет места в новой России.

Бельский задумчиво глядел им вслед. На свете было много дичи повкусней АМК, и ему категорически не нравилась драка между Цоем и Извольским. Он подсел к Денису, чтобы предложить ему переговоры. Но после слов о Якутии предложение мира было бы воспринято как проявление слабости. Ни за что и ни при каких обстоятельствах Бельский не хотел, чтобы его заподозрили в слабости.

Глава вторая, в которой президент России одобряет план модернизации российских вертолетов, а Константин Цой предлагает Извольскому выкупить шахту за 50 млн. дол

Военно-техническая выставка «Небо Сибири» длилась уже третий день, а президент России прилетел на нее только 30 июня.

В этот же день на выставку прилетел на личном самолете Вячеслав Извольский. Ирина осталась в Москве, вместе с дочкой, а с Извольским зато прилетела его двадцатилетняя сестренка, Майя. Майя училась за границей и по-русски говорила с забавным гортанным акцентом: в Сибирь она приехала первый раз за последние десять лет.

Выставка проходила на военном аэродроме неподалеку от Черловска, куда со всей России серийные заводы и КБ притащили все, что летает и умеет при том стрелять.

На выставке было представлено около двадцати трех разработок, но бесспорными лидерами показа были две: оперативно-тактический ракетный комплекс «Искандер», разработка коломенского бюро машиностроения, дальность полета – двести восемьдесят километров, точность попадания – до полуметра, и вертолет Ми-28МХ, модернизированный, с клароловым покрытием и новым бортовым навигационным комплексом, разработанным КБ «Русская авионика», производство Конгарского вертолетного завода.

Третьей новинкой на выставке обещал стать «МиГ-1-48 „Сапсан“, совместная разработка Черловского авиазавода и ОКБ „Русское небо“.

Формально и та и другая фирма принадлежали группе «Сибирь», однако в узких кругах шептались, что все разработки ведутся по прямому приказу Степана Бельского.

«МиГ-1-48» был крайне амбициозным проектом. Он был задуман как боевая платформа пятого поколения: за счет нового двухконтурного двигателя Чепкина самолет был способен лететь со сверхзвуковой скоростью без форсажа, а управляемый вектор тяги позволял совершать маневры на закритических углах атаки.

Как и большинство МиГов, «МиГ-1-48 „Сапсан“ принадлежал к семейству легких истребителей: взлетный его вес без дополнительных баков составлял двадцать две тонны, однако дальность полета была довольно внушительной для легкой машины – три тысячи пятьсот километров. Словом, философия, заложенная в эту машину, была полной противоположностью конгарской модернизированной вертушке. Пытались создать не старую дешевую машину для третьих стран, а принципиально новый – и дорогой – истребитель.

Однако именно из-за амбициозности проекта МиГ был даже не сырой, а очень сырой машиной. Один только опытный образец стоил восемнадцать миллионов долларов, но существовал пока в единственном экземпляре, без авионики, без привязки к вооружению, без опознавательной системы «свой-чужой». Злые языки болтали, что это всего лишь дюралюминиевый макет, который и летать-то не может. Это была неправда: самолет поднимался в воздух около пятидесяти раз. Но он ни разу не был испытан по полной программе, а попытка испытать его поведение при выходе на закритические углы атаки кончилась злым плоским штопором, отказом одного из двигателей и тяжелой посадкой: шеф-пилот ЧАЗа, Михаил Рубцов, чудом посадил плохо управляемую машину на «малой тяге», – считай, и вовсе с заглушим движком.

Все это были проблемы более чем преодолимые, рутинные, в сущности, – однако лет двадцать назад ни одно конструкторское бюро и не вздумало бы демонстрировать подобный полуфабрикат начальству. На авиашоу «Сапсан» прилетел по прямому распоряжению Бельского, и вышло нехорошо.

Как уже говорилось, на машине стоял принципиально новый двигатель ЛА-605, и нельзя сказать, чтобы двигатель был полностью отработан. В частности, при определенных, критических углах атаки возникал срыв потока во входной канал и происходил помпаж воздухозаборника, за которым следовал помпаж двигателя. Температура газов за секунду могла возрасти от ста пятидесяти до двухсот пятидесяти градусов.

На сверхзвуковых скоростях (а у «Сапсана» сверхзвуковой являлась даже крейсерская скорость), картина менялась к худшему. При махе свыше двух с половиной и приборной скорости выше тысячи трехсот километров, помпаж воздухозаборника оказывался несимметричным, и самолет тут же срывался в плоский штопор с большими углами скольжения и угловой скоростью до трехсот градусов в секунду.

Это было явление понятное, проанализированное, и в принципе в ОКБ знали, как с ним бороться: на самолете два месяца назад установили противопомпажную систему и убрали из входного канала все датчики, которые могли вызвать искривление воздушного потока.

Последние пятнадцать полетов двигатель никаких нареканий не вызывал, и вот – при коротком, штатном перелете до выставки, на небольшой для «МиГ-1-48» скорости в полтора маха и в двадцати километрах от аэродрома случилась вибрация, а затем – помпаж. Михаил Рубцов, шеф-пилот ОКБ, выключил двигатель на высоте десять километров и запустил его вновь, когда машина потеряла полтора километра высоты.

Дальнейший полет и посадка прошли без особых проблем. Машину тут же осмотрели от закрылков и до шасси, и вроде бы обнаружили причину сбоя: забоину на лопатке компрессора. Забоина была небольшая, несколько миллиметров в диаметре. Видимо, взлетно-посадочная полоса на заводе была почищена кое-как, и при взлете какой-то камешек, поднятый воздухом, был затянута в компрессор.

Источник неприятностей был найден. Забоину зачистили, МиГ заправили и подготовили к вылету. Однако Миша Рубцов неожиданно уперся.

– МиГ не полетит. А вдруг мы его потеряем? А если человека угробим?

Степан был в ярости. Довод «человека угробим» на него явно не действовал. За свою жизнь он угробил гораздо больше человек, чем погибло на испытаниях всех машин фирмы Микояна.

– То есть как это не полетит? – орал Бельский. – Мы зачем сюда прилетели? Чтобы стоять, как трамвай?

Михаил Рубцов пожал плечами.

– Степан Дмитриевич, – сказал он, – я не могу ручаться, что помпаж произошел от дефекта лопатки компрессора. Самолет нуждается в более тщательном осмотре.

Мнения, как всегда, разделились. Одни – в их числе Яша Яценко, гендиректор ОКБ «Русское небо», и шеф-пилот, доказывали, что лететь нельзя, и что лучше тихо постоять, чем громко хлопнуться. Другие – и в их числе Степан Бельский и гендиректор ЧАЗа, доказывали, что если машина сегодня не полетит, злые языки конкурентов утопят ее в дерьме.

– Ну хоть «блинчиком»⁴ слетай, – умолял гендиректор.

Точку в споре поставил Миша Рубцов.

– Я на этой машине не полечу, – сказал он, – и Коля не полетит. А больше лететь некому.

И вот теперь единственный в России истребитель-перехватчик пятого поколения тихо пылился на рулежке, а героем дня был «Ми-28МХ». Президент провел у вертолета около двадцати минут.

Главные пояснения давал Извольский.

– В принципе, это не новый вертолет, – сказал Извольский. – Это модернизированный вертолет. Вся проблема заключается в том, что новый вертолет стоит до семи миллионов дол-

⁴ Т.е. облети аэродром без выполнения фигур высшего пилотажа.

ларов, и с новым вертолетом мы начинаем проигрывать американским «Апачам». А наша модернизация стоит чуть больше миллиона, и за эти деньги любая страна, у которой уже есть «Ми-28» или «Ми-35», превращает свое старье в абсолютно современную боевую машину. Да, она проигрывает «Апачу», но два таких вертолета загонят в угол любой «Апач», а стоит она не в два, а в семь раз дешевле американца.

Как только президент остановился около вертолета, вокруг него немедленно образовалась целая толпа из генералов, губернаторов и просто праздной публики.

Майю оттерли от брата. Она потихоньку выбралась из толпы и отправилась бродить. Оружие, представленное на выставке, ее не интересовало совершенно. Все эти «Искандеры» и МиГи, что, он в сущности? Игрушки крутых правительств, как «Мерседесы» и «Крузеры» – игрушки крутых мужчин.

Было забавно думать, что две тысячи лет назад война приносила деньги. А сейчас любая война деньги только истребляла.

За грозной техникой обнаружилась рулежка с палатками. В палатках продавали кока-колу и хотдоги. А за палатками – выгоревшая трава, почти такая же, как в Техасе, и коровьи лепешки посреди травы. Видимо, в будние дни на аэродроме пасли коров. Сегодня вход на аэродром был по пропускам, а у коров пропусков не было.

– Сколько сейчас в мире летает «Милей»? – спросил меж тем президент.

– Пятнадцать тысяч, – ответил Ревко, – половина в России, половина в странах третьего мира.

– Сколько денег вы вложили в разработку?

– Около десяти миллионов, – ответил Извольский, – но мы не рассматривали это только как коммерческий проект. Мы рассматривали программу дешевой и эффективной модернизации вертолетов фирмы «Миль» как геополитический проект, который поможет России вернуть свое влияние на ряд прежде подконтрольных ей стран.

Извольский подумал и добавил:

– Разумеется, при условии, что завод получит право самостоятельного экспорта. Это ведь будут штучные, разовые заказы, а «Рособоронэкспорт» с такими заказами работает неохотно.

У стоявшего тут же рядом Андрея Беклеминова, начальника «Рособоронэкспорта», вытянулось лицо. Уж Беклеминов-то отлично знал, сколько и каких вертолетов в свое время продавал Александр Ревко, впрочем, имевший тогда левый югославский паспорт. Программа была явно разработана под непосредственным патронажем Ревко, наверняка и деньги ему пойдут, а «Рособоронэкспорту», официальному общаку всех экспортных оборонных потоков, не достанется ни цента...

Президент повернулся к Ревко.

– Ну что, Александр Феликсович, – сказал президент, – вам, кажется, специфика эта знакома? Помогите металлургам с экспортом...

Два военных атташе, оба с азиатско-тихоокеанского региона, внимательно прислушивались к диалогу. На вертолет они глядели тем же взглядом, которым подвыпивший посетитель кабака смотрит на стриптизершу. По лицам их было видно, что они уже прикидывают, как и где договариваться с южносибирским полпредом.

– Не уверен, что эта машина так хороша, – сказал Беклеминов.

Военные атташе мгновенно развернулись в его сторону. К достоинствам машины фраза главы «Рособоронэкспорта» отношения не имела. Значила она совсем другое: «Смотрите, ребята, если вы купите этот вертолет, как бы у вас не образовались трудности с покупкой другой российской техники».

– А мы сейчас проверим, – отозвался президент. И, обернувшись к летчику, стоявшему тут же рядом, спросил:

– Простите, вас как по отчеству?

- Михаил Альбертович, – ответил тот.
- Прокатимся, Михаил Альбертович?

* * *

Степан Бельский стоял у шасси неподвижного МиГа и смотрел на кружащий в небе вертолет. Он слишком хорошо понимал, что происходит.

Полпред Александр Ревко при советской власти профессионально торговал оружием; говорили, что только в Африку он поставил около трех десятков МиГов и устроил на полученные деньги парочку прокоммунистических переворотов. Если Ревко вместе с Извольским рассыпается в похвалах вертолету – значит, Ревко надеется, что прибыль от экспорта пойдет на содержание аппарата полпреда.

Это была косвенная взятка Извольского – полпреду. А президент, кружащийся в воздухе, повышал стоимость этой взятки стократно, потому что завтра фотография нового русского вертолета с русским президентом на борту пройдет по всем российским и зарубежным новостям и ляжет на стол всех диктаторов и эмиров, закупивших в свое время МИ. И взятка эта была душеполезна и социально-значима, ибо президент наглядно демонстрировал, какого рода услуги новая российская государственность готова принимать от олигархов, – и как она готова за них благодарить. Десять минут президентского полета сберегали АМК десятки миллионов долларов, затраченных на рекламу новой техники.

Вертолет опустился на землю, и охранники бросились к нему, как цыплята – к наседке. Извольский и Ревко подошли следом.

Президент выпрыгнул из вертолета на бетонную площадку, поправил волосы и оглянулся на белоснежный самолет с лебединым изогнутым фюзеляжем, одиноко стоявший в семидесяти метрах.

– А это что? – спросил президент.

– «МиГ-1-48 „Сапсан“, – сказал Ревко. – Это кусок фанеры, под который очаковская преступная группировка и группа „Сибирь“ хотели бы получить миллиарда полтора долларов из военного бюджета.

Черловский губернатор начал что-то возражать. Лет пять назад губернатор умел неплохо говорить с толпой. Говорить связно он не умел никогда, и сейчас его возражения в основном сводились к тому, что группа «Сибирь» отреставрировала в Черловске церковь и построила в ста пятидесяти километрах отсюда замечательную горнолыжную трассу, которую президенту очень неплохо было бы посетить. Президент слушал его минут пять, а потом тихо спросил:

– Михаил Силыч, кажется, близ этой трассы... тоже есть вертолетный завод? Вишерский, если мне не изменяет память?

Память президенту не изменяла: завод действительно был, что губернатор и подтвердил.

– Вячеслав Аркадьевич, сколько сейчас средняя зарплата на Конгарском вертолетном?

– Пять тысяч рублей, – ответил Извольский.

– А на Вишерском вертолетном?

– Семьсот рублей в месяц, – ответил за губернатора Ревко, – последний раз ее платили полтора года назад.

– Почему бы вам, Вячеслав Аркадьевич, не купить Вишерский завод?

– К сожалению, – сказал Извольский, – политика области такова, что мы вынуждены тратить деньги не на создание рабочих мест, а на поддержку туенядцев.

– Например?

– Окамыш, который потребляет мой завод, делают на Павлогорском ГОКе в двухстах километрах отсюда. Мы купили это предприятие, когда оно лежало в развалинах. Задолженность по зарплате была восемь месяцев, из тридцати шаровых мельниц работала одна. Сейчас

мы выплатили всю зарплату и все налоги. Мы возим окатыш по железной дороге, однако из-за посредников сто восемьдесят километров пути от Павлогорска до Ахтарска стоит нам столько же, сколько тариф от Ахтарска до Владивостока.

– Что вы предлагаете? – спросил президент.

– Я предлагаю, чтобы перевозки в пределах Южносибирского федерального округа контролировало государственное унитарное предприятие, – сказал Извольский, – это может быть то же самое предприятие, которые получит право на эксклюзивные поставки модернизированных вертолетов.

Президент протянул Ревко руку, и тот молча вложил в нее проект президентского указа.

Президент пробежал по проекту глазами, один раз и второй. Президент привык очень внимательно читать представляемые ему бумаги. Потом президент вынул ручку и поставил на документе свою подпись.

– Ну что же, – сказал президент, – я, наверное, заеду в Вишеры. Когда Вячеслав Аркадьевич купит завод.

Пока Извольский говорил с президентом, Денис остался стоять в стороне, обсуждая с президентской охраной достоинства нового вертолета.

– Поздравляю, – раздался за его спиной спокойный, чуть хриловатый голос.

Денис обернулся: в двух шагах за ним, подчеркнуто далеко держать от президентской свиты, стоял Константин Цой. Рядом с Цоем стояла его певичка, хорошенькая, как статуэтка, с надменным белоснежным личиком, заполонившим цветные журналы и телеэкран. Чуть поодаль улыбался Фаттах Олжымбаев.

– Говорят, вы придумали для этого вертолета какую-то новую броню?

– Это просто пленка. Называется «Кларол». Выдерживает, как кевлар, автоматную очередь, но стоит в девять раз дешевле.

– Замечательно. Не продадите ли мне – «Чайку» оклеить?

– Отчего ж, – сказал Денис, – продадим. Даже скидку сделаем.

Девушка вдруг прыснула и засмеялась, показывая белые, как пенопласт, зубки.

– Ты учти, – сказал Цой, – что если эта шахта так уж нужна Славе, то он может ее выкупить. Миллионов за пятьдесят.

– Шахта, Константин Кимович, не заложник, чтобы выкупать ее у воров.

Что хотел ответить Цой, Денис так и не услышал, – слова олигарха заглушил грохот авиационного двигателя.

Президентская охрана обернулась. «МиГ-1-48 „Сапсан“ с громом катился по бетонным плитам. Из дюз взлетающего самолета били полутораметровые языки пламени. Машина легко оторвалась от земли и прямо с полосы ушла на мертвую петлю.

Летчик сделал две петли, пошел вверх, а затем сбросил скорость и на мгновение как бы завис. Потом он начал опускаться на хвост, проскользил около двухсот метров, перевернулся носом вниз и продолжил скольжение: это был так называемый «колокол», – эффектная, но достаточно бесполезная в реальном бою фигура.

– Все-таки эта штука не из фанеры, Александр Феликсович, – спокойно заметил президент.

– Я не знаю, из фанеры она или из картона, но шеф-пилот и генеральный конструктор запретили показательный полет, – сказал Ревко.

– Кто пилотирует машину? – спросил главком ВВС.

Ответ был получен через несколько секунд по мобильному.

– Степан Бельский, – ответили главкому.

Из косой петли самолет ушел в вираж и сделал переворот на горке. Профессионалу было заметно, что летчик выполнял фигуры не совсем четко, иногда подводя самолет к критическим

углам атаки, но это искупалось стремительностью переходов от элемента к элементу и непривычно высокой для показательного полета скоростью.

Прямо над взлетной полосой Степан сделал три бочки, перевернулся через крыло и начал выполнять так называемую «кадушку» – ту же бочку с одновременным сбросом скорости.

Несмотря на то, что самолет был заправлен и готов к вылету, Бельский грубо нарушил весь распорядок авиашоу и прямой запрет шеф-пилота.

Бельский лично поднимал «МиГ-1-48» в воздух около семнадцати раз, но он был не летчиком-испытателем, а бывшим строевым летчиком, хотя бы и с большим налетом; наконец, ему было тридцать восемь, у него был больной позвоночник и за последний год он провел в воздухе не больше тридцати часов.

Все это было не самое страшное, – в конце концов, налет у Бельского был в три раза выше, чем у многих строевых летчиков.

Самым страшным было то, что опытный шеф-пилот, чувствующий машину тем, что у летчиков называется «жопометр», был прав, а Бельский ошибался. Вибрация двигателя была вызвана не забоиной на лопатке воздухозаборника. Она была вызвана скрытым заводским дефектом одной из лопаток турбин левого двигателя.

Стендовые испытания не выявили дефекта, но после продолжительных нагрузок в композитном сплаве лопатки была нарушена структура слоев. Это был производственный брак, не поддающийся визуальной диагностике: при утреннем осмотре самолета его не заметили и не могли заметить.

В самой верхней точке «кадушки», когда сбрасывающий скорость самолет летел фонарем вниз, дефектная лопатка турбины не выдержала. Она разлетелась на куски, и один из кусков пробил топливопровод высокого давления.

Бельский почувствовал, как самолет затрясло, словно при попадании «Стингера». «Вибрация двигателя, – сказал в наушниках нежный женский голос. – Повышение температуры. Рекомендуется остановка левого двигателя».

Бельский хладнокровно поставил РУД левого двигателя на ноль.

Самолет завалился на нос и начал отвесно пикировать вниз. Земля приближалась со скоростью двести метров в секунду. Высота самолета в верхней точке «кадушки» составляла полтора километра.

Бельский был не столь опытным пилотом, как Михаил Рубцов или Коля Свисский, – готовившийся для показательных выступлений летчик фирмы. Но у него было одно преимущество: Степан Бельский имел железные нервы, был умен и сохранял полнейшую ясность рассудка при любой смертельной опасности.

В эфире и на аэродроме стояла мертвая тишина. Глава всех присутствующих – начиная от президента и кончая охранником на воротах – были обращены к отвесно валящемуся самолету. За самолетом тянулся белый дымный шлейф, похожий на газовый шарф.

Бельский отдал ручку правого двигателя от себя, увеличивая скорость, но одновременно повышая управляемость. Большинство летчиков на месте Бельского долго думало бы над подобным маневром: чтоб увеличить скорость самолета, а не сбросить – человеку требовалось психологически пересилить себя и преодолеть страх от несущейся навстречу земли.

Бельскому на принятие единственно верного решения потребовалось меньше десятой доли секунды.

В трехстах метрах над полосой нос самолета пошел вверх.

В ста пятидесяти метрах самолет начал набирать горизонтальную скорость, по-прежнему продолжая терять высоту.

На аэродроме не шевелилось и не двигалось ничего, кроме стремительно падающей машины. Денис на секунду отвел глаза и заметил, как ногти стоящей рядом певички царапают чье-то плечо. Кажется, это было плечо Олжымбаева.

«Сапсан» промчался в полутора метрах над полосой, задрал нос на тринадцать градусов и нелепо завалившись правым боком вверх. За правым двигателем стлался по бетону гигантский вал взметенной степной пыли. От грохота у всех присутствующих заложило уши. Генеральный конструктор ОКБ Яценко стряхнул какие-то капли, попавшие ему на лицо, машинально слизнул одну из капель языком – и сел прямо на бетон.

Только тогда, когда самолет ушел вверх, все перевели дух, и эфир снова ожил.

– Тридцать третий, срочно на посадку, – раздался в наушниках Степана голос с КДП.

В этот миг на топливомере замигала желтая лампочка, выскочила цифра остатка «500 кг – 0».

– Тридцать третий, за вами белый хвост, – сказал диспетчер.

– У меня уходит топливо, – ответил Степан.

Отлетевшая лопатка турбины пробила топливопровод высокого давления. Теперь самолет с одним замолчавшим двигателем терял около полутонны горючего в минуту.

Демонстрационный полет продолжается обычно не больше пяти минут, и в «Сапсан» закачали всего три тонны горючего. Остановка левого двигателя и разрыв трубопровода произошли в самом конце полета, Степану оставалось только выйти из «кадушки», развернуться и сесть. Аварийный остаток топлива для «Сапсана» составлял полторы тонны.

– Катапультируйся, – закричал руководитель полета. – Это приказ!

– Никто не смеет мне приказывать, – ответил Степан и вырубил радиосвязь.

Степан заложил над аэродромом крутой вираж. Он понимал, что топливо может кончиться в любой момент, и что единственный его шанс сохранить машину – это посадка с глубокого разворота. Именно так он сажал свой МиГ в Афганистане, чтобы не попасть под «стингеры» моджахедов.

О том, что будет, если лидер очаковской преступной группировки угробит восемнадцатимиллионнодолларовый самолет на глазах президента, главкома ВВС, десятка губернаторов и парочки злейших конкурентов группы «Сибирь», Бельский не думал. Ему было некогда.

Степан хорошо помнил полосу, на которую садился. В двадцати метрах от полосы начинался забор из бетонных столбов, перемкнутых между собой досками. За столбами была канава, потом шоссе, и сразу за шоссе – какой-то двухэтажный сарай времен очаковских и покоренья Крыма. В пятидесяти метрах от сарая стояли три огромных сосны, а дальше началась зеленая и высокая тайга.

На «МиГ-1-48 „Сапсан“, как и на американском F-22, единственном летающем самолете пятого поколения, – а равно как и на всех самолетах четвертого поколения, – посадка с неработающими двигателями была в принципе не предусмотрена.

Все гидравлические системы, управляющие самолетом, за исключением шасси, работали за счет вращения основной турбины. Момент движения от двухконтурного двигателя Чепкина передавался на малую турбинку, приводящую в движение гидравлику. Степан понимал, что как только обороты двигателя встанут на ноль, то гидравлика будет работать только за счет автототации: а это всего несколько секунд.

Единственное, что могло ему помочь после отказа двигателя – это плавная, почти миллиметровая работа ручкой, экономившая ресурс гидросистемы.

Под крылом самолета летел зеленый треугольник тайги, и под косым углом тайгу пересекало синее небо.

Степан включил аварийный выпуск шасси.

Шасси выходило тридцать секунд, и эти секунды показались Степану вечностью.

Шасси вышло, – и тут же правый двигатель встал. Роль смазки в автоматике двигателя Чепкина выполняло само топливо, и самолетный двигатель, остановившийся из-за нехватки горючего, превращался в то же, во что превращается автомобильный двигатель, остановив-

шийся из-за вытекшего масла. Вертикальная скорость самолета составляла около пятнадцати метров в секунду.

Верхушки деревьев внизу притягивали самолет, как магнит – железо. Земля молчала. Если бы рядом с самолетом летели ангелы, Степан слышал бы шорох их крыльев.

Ласково, осторожно касаясь ручки, Степан начал выравнивание самолета. Вертикальная скорость упала до десяти метров в секунду.

Тайга кончилась, впереди лежала взлетно-посадочная полоса, окаймленная выгоревшей на солнце травой. В траве ослепительно желтым сверкали ромашки. Перед полосой был бетонный забор и три одиноко стоящие сосны. Стволы сосен были розовыми, как кожа новорожденного ребенка.

Самолет пронесся над верхушками сосен. Степан почувствовал легкий удар, но сумел удержать машину.

Машина перетянула через сарай, и на высоте четыре метра гидравлика отказала. Ручка управления стала колом, и машина рухнула вниз с вертикальной скоростью около полутора метров в секунду, разминувшись на сорок сантиметров с бетонным забором.

Самолет выскочил на посадочную полосу с отказавшими тормозами, неработающим реверсом и скоростью порядка трехсот семидесяти километров в час. «Сапсан» несся по бетону, как салазки – по льду. Степан хладнокровно выждал, пока скорость машины упала на сотню километров, и только тогда выпустил тормозной парашют. Это была частая ошибка запаниковавших летчиков, садившихся на слишком большой скорости – тут же выпускать тормозной парашют, забыв, что на скорости свыше двухсот восьмидесяти его тут же оторвет к чертовой матери и самолет уйдет за пределы полосы.

Самолет проскользил по полосе три километра и замер в сотне метров от ее конца. Весь полет – от момента отказа левого двигателя и до посадки – продолжался полторы минуты.

Бельский открыл колпак и вылез из кабины. Небо, в котором он чуть не остался навсегда, было голубым, как глаза его матери, и воздух вокруг пах жизнью и лесом. От дальней полосы к самолету катились несколько машин, и за ними бежали крошечные фигурки людей.

Двигатели самолета были непоправимы испорчены, по крайней мере правый, остановившийся за несколько секунд до посадки. Хрен с ними, с двигателями. Машина была цела.

У взлетной полосы стояла девушка с коротко стриженными белокурыми волосами и держала в руках букет васильков. Степан сделал несколько шагов, и девушка шагнула ему навстречу.

– О господи, – сказала девушка, Я... я так испугалась! Ведь было неслышно, как вы летели! То есть обычно... они летят громче...

– А шума никакого не было, – сказал Степан, – я летел бесшумно. Как ангел.

– А если бы самолет взорвался? – спросила девушка.

– О. Даже если бы мой самолет взорвался в воздухе, вряд ли бы я попал на небо.

Он забрал у девушки букет васильков, сунул лицо в цветы и долго их нюхал.

Когда Степан поднял голову, он увидел, что к самолету подъехали несколько машин. Из одной выскочил его правая рука, Кирилл, вместе с Орловым и Яценко, а из другой, к великому изумлению Степана – Извольский. Следующей подлетел «Мерс» с президентской охраной, – лысая резина заставила машину прокатиться при торможении лишние десятки метров. Из «Мерса» выскочил начальник президентской охраны. От возмущения он ничего не мог сказать, только кричал. Кирилл с пацанами кинулся к Степану, а Извольский – к девушке.

– Майя, – сказал Извольский, – ты не...

– Все в порядке.

Извольский сгреб девушку подмышку и повернулся к Степану.

– Девушка не пострадала, – сказал Степан, – а мне ты ничего не хочешь сказать?

– Я – ничего, – ответил Извольский, – но главком ВВС велел тебе передать: «Скажите Бельскому, что для уголовника он летает неплохо, но машина у него – дерьмо».

Джип Извольского уже давно уехал вдаль по рулежке, а Степан все стоял и глядел то на самолет, то на укатившийся джип. Руки его бессознательно теребили букет из васильков.

Извольский улетел в Москву вместе с президентом и полпредом, а Денис задержался в области на день; большую часть времени он провел в Павлогорске с Самариным.

Дело об убийстве Панасоника рассыпалось на глазах. Картина складывалась очевидная: Панасоника приперли к стенке. Ему перекрыли кислород, у него конфисковали партию дури, забрали склад и отсудили дом; и, помимо всего прочего, за пропавший героин Панасоник еще оказался должен Мансуру.

Мансур перегнул палку, и оскорбленный Панасоник побежал сдавать своего шефа АМК. Тут-то его и убили. Если бы «наружка» в ту ночь не отлучилась попить пивка, она бы наверняка заметила убийц. Сейчас же было поздно: оставались неясные слухи, домыслы, да наглое вранье Мансура, который везде обвинял в этом убийстве АМК.

Денис приехал в аэропорт минут за пятнадцать до посадки, и как раз успел заказать себе в VIP-зале чашечку мерзкого кофе, когда двери VIP распахнулись, и в них показался крепкий шестидесятилетний мужчина, немного раздавшийся в талии и с крупной лысой головой. С ним шли два охранника. Мужчина подошел к Денису и, не протягивая руки, уселся на диван.

– Доброе утро, Денис Федорыч. Не узнаете?

Это был Афанасий Горный, король черловских железнодорожных зачетов.

– Денис Федорович, вы поступаете со мной не очень честно. Я помог Извольскому прийти в область. Я познакомил его с губернатором. Я помог ему купить этот ГОК. Я мог бы попросить долю в бизнесе – но что такое небольшой пакет акций, особенно в Сибири? Литературная условность. И я просто попросил, чтобы мне оставили мои зачеты. Это не очень большая плата за ГОК, который я вам подарил... В чем же дело?

Денис поглядел на Горного большими честными глазами.

– Афанасий Никитич, – сказал он, – не понимаю, о чем вы. Ну да, мы сделали какую-то фирмочку, чтобы возить себе окатыш. Но ваш-то бизнес тут при чем?

Горный помолчал.

– Денис, вы делаете большую ошибку. Я знаю, что про меня рассказывают всякие истории, но поверьте мне, я не жадный человек. Но когда вы загоните меня в угол, я начну кусаться. Я не Леша Панасоник. Ваши купленные мусора меня не убьют.

На пальце одного из охранников Горного сверкнули синим наколки, и Денису как-то некстати припомнилось, что Мансур, павлогорский вор в законе – большой приятель Степана Бельского.

Майе Извольской было двадцать лет, и она практически не знала России. Когда ее брат стал финдиректором АМК, в России очень много стреляли, и Сляб поскорее отправил сестру в закрытый английский пансионат.

У Майи был острый и сухой ум, как у брата. Реальность ее мало интересовала: еще в Англии она страстно увлеклась компьютерами и к восемнадцати годам заработала свои первые деньги, как программист.

Окончив школу, она подала документы сразу в несколько престижных американских университетов и по итогам выбрала Йель. На лето после второго курса она приехала в Россию.

Она не хотела жить в Ахтарске и не любила загорода, Извольский снял ей уютную квартиру в центре Москвы и подарил автомобиль.

Спустя три дня по возвращении из Черловска Майя нашла под дверью огромную корзину с цветами. Майя втащила корзину в квартиру, пошарила по цветам и нашла там визитку с номером сотового телефона. Цветы Майя оставила, а визитку выбросила в ведро.

Новый букет принесли через два дня. В дверь он пролезал с трудом. На визитке было то же имя и тот же телефон. Вторая визитка отправилась вслед за первой.

Еще через день, около десяти вечера, кто-то позвонил Майе на сотовый.

– Алло, – сказала она.

– Привет. Как дела?

– Кто это? – спросила Майя.

– Это плохой пилот. Помните?

Майя помолчала.

– Я не думаю, что вы плохой пилот, – сказала она, – но Слава говорит, что вы плохой человек.

– Давайте поужинаем и обсудим этот вопрос.

– Я не ужинаю так поздно.

– Ну давайте пообедаем завтра.

– Завтра я улетаю к бойфренду. В Вашингтон.

– В Вашингтон? Он что, американец?

– Он американец, чемпион университета по регби и внук сенатора, – с непонятным раздражением сказала Майя. Ей раньше никогда не приходило в голову хвастаться, что Джек – внук сенатора.

– Понял, – с некоторой иронией отозвался голос на том конце трубки, – против чемпиона по регби я, конечно, не тяну. Куда мне до чемпиона.

И в трубке раздались короткие гудки.

Майя сидела некоторое время на диване, поджав ножки, а потом сделала несколько нелогичный поступок. Она перевернула мусорную корзину и достала оттуда визитку Бельского. Кстати, ей и в голову не пришло сообщить о звонке службе безопасности АМК.

Глава третья, в которой Ахтарский металлургический комбинат кидают, как последнего лоха, а Денис Черяга наконец узнает, как называется у группы «Сибирь» процесс продажи активов крупным иностранным инвесторам

Прошло полтора месяца.

ГУП «Южсибпром» было зарегистрировано, учреждено и даже получило первые деньги за проданный им товар. Во главе ГУПа стал бывший помощник Юрия Андропова, а деньги, как ни странно, пришли от Константина Цоя.

Кореец и в самом деле заплатил шестьдесят тысяч долларов за клароловую пленку и оклеил ей одну «Чайку» и два «Мерседеса». «Чайка» принадлежала самому Цою, что же до «Мерседесов», – один он подарил Степану, а другой – черловскому губернатору.

Это был жест вполне в духе Константина Цоя, и самым забавным было то, что люди Альбиноса ненавязчиво отследили счета, по которым прошли деньги. Отследили, записали и положили в папочку – вдруг пригодится.

Извольский больше никаких указаний по шахте Денису не давал, но и без того было ясно, что шахту надо вернуть. Поэтому Черяга в Черловске поступил следующим образом.

Прежде всего он выкупил контрольный пакет акций шахты у акционеров – двух придурковатых братков и авторитета по кличке Царандой. Так как акции шахты им. Горького стоили на тот момент дешевле резаной бумаги, Денис предложил за пакет двести тысяч долларов.

Братки возмутились малостью суммы и попросили полмиллиона. На что Денис ответил, что он готов заплатить и полмиллиона, но – только в случае прекращения процедуры банкротства. Братки, посоветовавшись, решили, что это очень хорошая сделка – ведь теперь при благоприятном исходе они могли получить деньги, в то время как раньше им со всех сторон светил шиш.

Через некоторое время Царандой начал тревожиться, так как шла неделя за неделей, а Черяга никаких действий по шахте не предпринимал. Царандой потребовал объяснений. И Черяга объяснил, что если Царандой хочет получить причитающиеся ему доходы, то будет только справедливо, если ему, Царандою, тоже придется постараться.

И Царандой начал стараться. Он побегал в арбитражный суд и в УБЭП, с начальником которого был дружен. Он устроил демонстрацию рабочих, протестующих против банкротства шахты, и его ребята набили в подъезде морду товарищу Гусенко – тому самому заместителю директора, который сдал Цою всю информацию по шахте.

Денис трижды встречался с Царандою. Истории с побитым Гусенко он никак не комментировал, а вместо того внятно объяснил Царандою, что тому следует делать.

Бизнес по продаже угля с шахты был устроен следующим образом.

Сначала организовывалась фирма-однодневка. Какой-нибудь «Свиньин и сын» или «Собакин и кот». «Свиньин и сын» заключал с шахтой договор о поставке на шахту солярки, запчастей, горючего для «БелАЗов» и прочей мутотени. Шахта, в оплату, передавал «Свиньину и сыну» собственные векселя. После этого «Свиньин и сын» исчезал, ничего не поставив, а векселя перед исчезновением он продавал одной из посреднических контор, принадлежавший Царандою и управлявшейся Гришей Епишкиным. Этими векселями контора платила за уголь, – и Гриша Епишкин так хорошо наладил этот бизнес, что векселей этих у него скопилось миллиона на три долларов. То есть получалось, что не епишкинские конторы должны

шахте, а наоборот – шахта конторам, и векселя эти, как явные фантики, Фаттах не счел нужным отнимать вместе с другими долгами.

Денис с Епишкиным объяснили Царандою, что все эти векселя надо аккумулировать в паре-тройке незамаренных контор, и эти конторы должны подать в арбитражный суд иск на предмет того, что их долги не включены в конкурсную массу.

– Как только арбитражный суд признает этот иск, у нас станет большинство в совете кредиторов, – объяснил Черяга. – Как только у нас станет большинство в совете кредиторов, мы заключим мировое соглашение и остановим процедуру банкротства. А как только мы остановим процедуру банкротства, ты получишь деньги за акции.

Фаттах Олжымбаев, разумеется, отказался включить липовые фирмы в число должников, но адвокаты Царандою подали в областной арбитражный суд, и тот вынес положительное решение.

Денис тепло поздравил авторитета с этим выдающимся достижением, сказал, что все идет по плану и полюбопытствовал – много ли бабок Царандой выплатил судье.

– Ша, – сказал Царандой, – мы не лохи бабки платить! Мы этой бабе так и сказали, если что не так будет – и ей вставим, и дочке засадим!

И братки согласно захохотали.

В этот момент Денису впервые пришло в голову, что он сильно недооценил пещерный уровень своих союзников.

Первоначальный шок, вызванный пребыванием Царандою в тюрьме, прошел. Царандой хотел мстить. Он был убежден, что выпустили его по личному распоряжению губернатора из-за услуг, оказанных Царандою на выборах. Авторитет был не особенно умным и очень жестоким человеком, во всем его окружении никто не смел ему перечить. Иначе бы ему объяснили вещь, внятную для всякого вменяемого стороннего наблюдателя.

А именно – что трудовые подвиги братков, угрожавших судье по телефону, не имеют никакого отношения к решению арбитражного суда. Игра давно шла на другом – не бандитском – уровне, а пацанов использовали в качестве разменных пешек и сигнальных ракет, – пусть противник побеждает и понервничает, пусть помнит, что у Извольского есть в рукаве еще и эти, сильно простуженные...

Просто полпред Ревко снял со швейцарских счетов «Южсибпрома» некоторое количество наличных и приехал с ними в Москву, где и побывал в парочке высокопоставленных кабинетов. После этого в те же самые кабинеты вызвали председателя Черловского арбитражного суда и объяснили, что время губернаторского беспредела кончилось, и что ей, председателю, будет не так легко пройти аттестационную комиссию, ежели она не будет прислушиваться к мнению полпреда. Другие полпреды были б очень рады сделать то же самое, но в том-то и была прелесть положения, что другие полпреды апеллировали исключительно к высокоморальным гражданским принципам и необходимости укрепления вертикали власти, а у полпреда Ревко был «Южсибпром» и Ревко мог вертикаль не только укреплять, но и подмазывать.

Вслед за этим Ревко сходил в еще один высокопоставленный кабинет, куда он занес не только свое патентованное средство для укрепления вертикали, но и некую папочку, содержащую совершенно удивительные, а главное, правдивые подробности из жизни главы черловского РУБОПа. Содержимого папочки хватило бы на пять романов и тройку пожизненных заключений. Обитатель кабинета изучил папочку в некотором даже ошеломлении и спросил Ревко, что, по мнению того, следует делать.

Ревко ответил:

– Назначь на это место Олега Самарина.

– И что же Самарин сделает за эти деньги? Найдет у Цоя героин в кармане?

На что Ревко улыбнулся и ответил:

– Не надо находить у Цоя героин. Извольский неплохой менеджер, но он сотрудничает с государством до той поры, пока боится Цоя. Если у государства нет способа поставить их всех к стенке, мы должны хотя бы не мешать жрать им друг друга.

И в результате этой мудрой сентенции майор Олег Самарин получил полковничьи звезды и впридачу – пост начальника всего черловского РУБОПа.

Самарин и Черяга общались часто: иногда Черяге даже удавалось затащить Самарина в казино «Версаль», принадлежавшее блатному коммерсанту Грише Епишкину, тому самому, который и обдирал раньше шахту, как липку. Казино недавно сгорело, и теперь функционировало только его нижний этаж, с рестораном и парой игровых столов. И чем больше Черяга узнавал Гришу, тем больше тот ему нравился. Несмотря на свое уголовное происхождение, Гриша был человек веселый и, в некотором смысле, честный. Он ни разу не пообещал Черяге невозможного, всегда подавал крайне разумные советы, и при этом совершенно не старался лезть ахтарскому вице-президенту в душу. Двумя существенными недостатками Гриши было то, что на любую встречу он опаздывал на сорок минут и пил много и шумно.

* * *

За неделю до арбитражного суда Денису позвонил Фаттах Олжымбаев и предложил встретиться. Денис любезно назначил встречу на одиннадцать в полпредстве, где «Южсиб-прому» были отданы несколько комнат на седьмом этаже.

Полпредство располагалось в семиэтажном конструктивистском здании конца двадцатых, выстроенном знаменитым Лаврентьевым на месте снесенной церкви Николая-угодника прямо в центре черловского Кремля.

Здание раньше было отдано под Дворец пионеров, а реально – под бандитские фирмочки, платившие аренду Анастасу. Когда полпред захотел забрать его себе, губернатор устроил детские демонстрации протеста.

Полпред к демонстрациям прислушался и от Дворца пионеров отказался, но по какому-то странному совпадению в ближайшие несколько месяцев полдесятка бандюшат из числа арендаторов оказались за решеткой, причем занималось ими местное управление ФСБ. После ареста бандюшат почему-то спрашивали не столько об их бизнесе, сколько о том, кому и как они платят за аренду.

Вскоро полпред снова занял Дворец пионеров, и на этот раз никаких детских демонстраций не было; бандюшат кого выпустили, кого оставили. При этом шептались, что выпущенные не только поспешно освободили помещения, но и внесли значительную сумму на ремонт роскошного, но престарелого особняка.

В результате ремонт обошелся казне в удивительно скромную сумму. Впрочем, и сам ремонт был вполне аскетичен. Полпред ничего не перепланировал в здании, а лишь снес фанерные перегородочки, наклепанные скороспелыми бандюшатами на строгую коммунистическую планировку, – и тем самым восстановил первоначальный облик Дома Будущего, возведенного семьдесят лет тому назад на месте взорванного храма.

Одним из первых уроков, преподанных Денису Слябом, было – никогда не разговаривать с противником один на один. Гораздо лучше, если вас двое или больше – тогда всегда есть время обдумать ответ, да и численное превосходство – немаловажная вещь, хотя бы на подсознательном уровне. Поэтому Денис позвал с собой на встречу Ахрозова.

Олжымбаев приехал ровно в одиннадцать. Наверное, Цой учил его не хуже, чем Извольский – Дениса. Вместе с Фаттахом в кабинет вошел Анастас в белой футболке с двумя аристократически сплетенными «А» на кармашке. Накачанные плечи Анастаса покрывал ровный загар, на левом запястье сидели часы «Зильберштайн» из белого золота, и ногти губернатор-

ского любимчика были тщательно наманикюрены и покрыты неярким лаком. От него пахло дорогой туалетной водой.

Олжымбаев, одетый, несмотря на летнюю жару, в безукоризненно белую рубашку и серовато-желтый пиджак от Армани, оглядел более чем скромную переговорную в поисках сиденья, соответствующего его статусу и пиджаку, а потом беззаботно придвинул к себе колченогий канцелярский стул и сел. Анастас, болтая ногами, угнездился на подоконнике.

– Итак, господа, о чем речь? – спросил Денис.

Фаттах улыбнулся и развел руками:

– Воевать не хотим, Денис Федорович. Мы вообще никогда не хотели войны. Мы всегда хотели мира.

– Хорош мир, – сказал Ахроз, – шахту отобрали, а туда же, мириться.

Фаттах недоуменно улыбнулся и посмотрел на Дениса, как бы ища у него поддержки.

– Мы и не собирались отбирать у вас шахту, – сказал Фаттах, – просто нам эта шахта была нужна, а продавать вы ее не хотели. Мы и сейчас согласны ее купить.

– И ваша цена?

– Восемь.

– Раньше вы предлагали меньше, – сказал Денис.

– Раньше у вас было тридцать процентов, а теперь мы готовы купить контрольный пакет.

– Это слишком мало за контрольный пакет.

– И сколько ж ты хочешь?

– Давай позовем аудиторов. Они посмотрят баланс. Оценят компанию.

Фаттах оскалил белые зубы.

– Денис, ты чего гонишь? Какие аудиторы? Аудиторы, это когда в лохотрон играют. Фонду какому-нибудь продают. Американскому.

Денис впервые слышал такое определение аудитора, хотя в принципе в России оно соответствовало действительности.

– Эта шахта меченая, – сказал Фаттах, – ее гонят по полю. Ни одна меченая компания не стоит больше, чем деньги, которые из нее можно отжать за год. Из этой шахты можно отжать восьмерку.

– Эта сумма не обсуждается.

– Хорошо, тогда заплатите вы восемь нам.

– За что?

– За кредиторку.⁵

– Почему мы должны платить за то, что у нас украли?

Олжымбаев засмеялся.

– Денис, смотрите. У вас было тридцать процентов шахты. Теперь у вас девяносто два процента. Шестьдесят два вы купили у Царандоя и Гриши. Так?

– Без комментариев.

– Вы считаете, что ваши тридцать стоят больше восьми. Значит, пакет, который вы купили, стоит больше шестнадцати. Вам он достался почти даром. Получается, вы заплатили нам восемь, а купили за это шестьдесят процентов акций. Минус долги. Мы же на вас работали, Денис! Мы для вас шахту от долгов очистили и акционеров к вам на флажки загнали.

– Спасибо за самоотверженный труд, – усмехнулся Ахроз.

И тут голос впервые подал Анастас:

– Сергей Изольдович, – сказал Анастас, – мне кажется, вражда между вашими группами зашла слишком далеко. Папа недоволен. Зачем обострять ситуацию?

⁵ Группа «Сибирь» управляет шахтой им. Горького как главный кредитор шахты. Соответственно, продавая ахтарскому холдингу кредиторскую задолженность, она продает ему контроль над шахтой.

– Зачем? – вскочил с места Ахрозов, – да затем, что...

– Тише, – сказал Денис, – это была наша шахта, и она останется нашей. У нее были долги. Долги мы готовы выкупать. Цифра «восемь» не обсуждается. Другие ваши предложения, Фаттах Абишевич, мы готовы выслушать.

Когда Анастас и Фаттах покинули кабинет, менеджеры Извольского хлопнули друг друга по рукам.

– Yes! – сказал Денис, – мы сделали это!

– Ребята струсили. Ребята нервничают. Из ребят пошел сок, – прокомментировал Ахрозов.

Денис протянул ему трубку, чтобы он первым позвонил Славке.

* * *

Денис встречался с Фаттахом еще несколько раз. Казах дергался все больше и больше. Сумма выкупа, которую «Сибирь» просила за шахту, упала с восьми миллионов долларов до шести, потом до пяти с половиной; потом до четырех. Наконец Фаттах назвал цифру «три». Это были вполне разумные деньги. По сути, они не намного окупали затраты, которые понесла сама «Сибирь», но все-таки позволяли Цою не потерять лицо. Никто б не сказал в этой ситуации, что Цой вынужден был бежать с поля сражения, разбитый наголову.

В конце концов, Фаттах был прав: можно было очень спокойно заявить, что никакой ссоры между Извольским и Цоем не было, а просто Альбинос помог Слябу развести мелких бандитов и получил за это небольшое, но достойное вознаграждение.

Полпред Ревко знал о переговорах, но относился к ним вполне нейтрально. Он несколько раз повторил Черяге, что не его задача – плодить промышленные конфликты в регионе. Полковнику Самарину о переговорах, разумеется, никто ничего не говорил, и поэтому начальник РУБОП самоотверженно копал дрянь на Анастаса и Фаттаху, не подозревая, что его спонсоры в любой момент могут сказать ему «стой!».

Но что самое странное – против был Извольский. Денис не понимал причин, но всякий раз, когда Черяга приносил Извольскому новый и новый вариант вполне почетного мира, в глазах стального короля вспыхивало тусклое раздражение.

Наконец Фаттах назвал цифру в два миллиона, и на этой цифре Извольский сломался.

– Хорошо, – сказал он Денису с Ахровым, – пусть Костя мне позвонит.

Костя, однако, не позвонил; зато Сергею Ахрову позвонили из приемной губернатора области и попросили приехать в субботу к четырем вечера в губернаторскую резиденцию.

Резиденция губернатора Орлова располагалась на пяти гектарах соснового леса в излучине реки Выкса. Был жаркий июльский день; трава в степи выгорела на солнце, и над стоящим в котловине городом плавало грязное марево. Здесь, в резиденции, было почти прохладно, на зеленом газоне возле мраморного бассейна журчала поливалка, и вокруг нее в воздухе, как нимб, парила маленькая радуга.

Еще в машине Ахрозов слышал, что губернатор облетает дальние колхозы, и настроился ждать. Но ждать не пришлось: пятнистый охранник провел его в роскошную комнату, всю заставленную вычурной мебелью и зеркалами до пола. Между зеркалами на вешалках висели дамские платья в целлофановых обертках. Через мгновение в комнате появился Анастас, в летних холщовых брюках и безрукавке, подчеркивавшей безпречную мускулатуру. От Анастаса приятно пахло «Кристианом Диором», ногти были тщательно наманикюрены.

– О, Сережа! – сказал Анастас, – а папа-то улетел! Слушай, я с тобой хотел поговорить, а в «Версале» в семь поет Нина. Жалко, там Кости не будет. Зато будет Фаттах, Костя его попросил все обеспечить. Пойдешь?

Нина была любовница Цоя.

– Пойду, – сказал Ахроз.

Анастас захлопал в ладоши. Потом быстро посерьезнел и, улыбаясь, сказал:

– Сереж, ты меня в дурацкое положение ставишь. Я Фаттаха до двух лимонов опустил. Я! Чтобы вы с папой помирились! Все за, Денис за, Сляб за, а ты против.

Ахроз укладкой покосился на дамские наряды и на сверкающий летний день за окном.

– Мое слово, – сказал Сергей, – ничего не решает. Я так понимаю, что Извольский согласен. А все остальное не имеет значения.

Анастас кокетливо поправил коротко подстриженную челку.

– Но ты-то против?

– Мы акционеры. У нас отобрали собственность. Почему мы должны платить вору, чтобы он ушел из квартиры?

Анастас бросился в кресло напротив Ахрозова и доверительно перегнулся через столик.

– Слушай, Сережа, какие акционеры? Акционеров в России нет. Вот компания, да? В ней есть доли. У тебя есть доля, потому что ты купил акции. У Славы твоего доля, потому что он твой хозяин. И у папы доля, потому что он папа. Это его область. Вот Костя это понимает, Фаттах это понимает, а вы нет. Вы не соглашаетесь отдать папе его долю, но вы же вместо этого тащите нового дольщика. Ревко.

– Анастас, – спокойно сказал Ахроз, – если в здании сидели бандиты и платили тебе за крышу, это еще не значит, что твою долю получил кто-то другой. Это значит, что в здании сидит «Южсибпром» и продает вбелую вертолеты для Анголы.

Тут в дверь постучались.

– Войдите, – крикнул Анастас.

На пороге образовался молодой крепкий паренек с целым ворохом платьев.

– Повесь сюда, – распорядился Анастас, ткнув пальцем в направлении вешалок.

Паренек повесил платья и удалился.

Анастас снял одно из платьев, – нечто белое и воздушное, перевитое черной полосой.

– Как тебе? – спросил Анастас, снова поправляя челку.

– Никак, – сказал Ахроз, – я в этом разбираюсь, как ты в шагающих экскаваторах.

Анастас рассмеялся, повесил платье на место и сел на кончик стола.

– Зря ты так, – сказал Анастас, – ты же этой драке спасибо сказать должен. Если б не она, тебя б Извольский давно с завода выгнал. Это все знают. Тебя же взяли на одноразовую работу, авгиевы конюшни почистить.

Ахроз страшно побледнел. Он взял было бутылку, чтобы налить себе воды, но потом передумал пить что-либо в этом месте и поставил бутылку на столик. Анастас озабоченно посмотрел на дорогие часы белого золота.

– Уже пора. Ничего, если я переоденусь?

Ахроз пожал плечами. Анастас снял с правого запястья тонкий золотой браслет и стал расстегивать рубашку.

– Я создал платье, – сказал Анастас, – такой мой ремикс на нью-лук. Знаешь, сиськи наружу, плечи обнажены. Получилось перфектно. Юбочка колоколом, на тонком замшевом поясе маленькая сумочка-кошелечек, со стразами. Подкладка из тончайшего шелка, аристократически массирует нежную кожу. Висело оно в Куршавеле, там есть сумасшедшая русская княгиня, продает русских в бутике. А потом я его вижу на Нине.

Анастас расстегнул рубашку и бросил ее на пол. Ахроз напрягся. Анастас поднялся со стула и скрылся в соседней комнате. Дверь ее осталась открытой, и слова Анастаса были хорошо слышны сквозь шум душа.

– И когда я приезжаю в Куршавель, я захожу в этот бутик, и княгиня мне говорит, ой, Стасик, а ваше платье уехало в Россию, его какой-то молодой красавец русский купил своей

жене. И я очень удивляюсь, потому что Альбинос не молод и не красавец, и я прошу принести реестр, и там чек и подпись «Олжымбаев». Смешно, правда?

Анастас появился на пороге комнаты. Ахровов остолбенел. Анастас был совершенно гол. На ровной загорелой коже блестели капельки от душа. Ахровов невольно залюбовался превосходно накачанным телом.

Словно не обращая внимания на директора, Анастас пересек комнату и небрежно сорвал с вешалки мужскую рубашку. Накинул ее на себя, потянул висящий рядом галстук. Потом обернулся к Ахровову.

– Слушай, Сережа, что у тебя за селетка на шее? На, возьми мой.

Ахровов не пошевелился, когда Анастас присел перед ним на корточки и начал развязывать галстук Ахровова. От молодого, сильного тела Анастаса пахло свежестью и дорогими тренажерами, и весь он был гибкий, нежный, с какой-то кошачьей притягательностью. Ахровов, надо признаться, пребывал в совершенном охренении. Он ощущал почти животный магнетизм молодого парня и чувствовал себя, как кролик перед удавом.

– Слушай, а что у тебя за одеколон? Хороший одеколон? – сказал Анастас и притиснулся носом к его щеке. Через мгновение Ахровов почувствовал губы Анастаса у себя на шее.

Ахровов вскочил, да так, что стул, на котором сидел Сергей, полетел в одну сторону, а Анастас, – в другую. Не оглядываясь, Ахровов вылетел из кабинета пулей. Дверь захлопнулась за ним с пущечным грохотом.

Полуголый Анастас сидел на ковре и смотрел ему вслед, и выражение лукавого кокетства на его лице постепенно сменилось нестерпимой обидой.

За два дня до заседания совета кредиторов Денис Черяга, вице-президент Ахтарского металлургического холдинга, и Фаттах Олжымбаев, вице-президент группы «Сибирь», подписали соглашение о переуступке долга.

На практике это означало, что полтора миллиона долларов за долги шахты им. Горького ушли со счетов оффшорки, торговавшей ахтарской сталью, на счета оффшорки, владевшей долгами шахты.

В тот же самый день в черловскую фирму «Аннал», подконтрольную местным властям и являвшуюся регистратором АО «Шахта им. Горького» явились три скромных молодых человека.

Первый скромный молодой человек предъявил доверенность на распоряжение акциями АО «шахта им. Горького», принадлежавшим кипрским компаниям Asterix Ltd и Croesna Ltd.

Это были оффшорки, за которыми стоял Ахтарский металлургический комбинат. С позапрошлой недели они совокупно владели пятидесятью девятью процентами акций шахты, ранее принадлежавших местным браткам.

Скромный молодой человек предъявил акт купли-продажи вышеуказанных акций фирмам «Десна», «Стройимпекс» и «Карда», а также передаточное распоряжение.

Регистратор произвел соответствующие изменения в реестре. После этого второй молодой человек, пришедший вместе с первым, тут же предъявил доверенность на право совершения любых действий от имени владельцев «Десны», «Стройимпекса» и «Карды», а также от имени еще одной фирмы, которая называлась «Ларса».

Формальная разница между «Ларсой», «Стройимпексом», «Десной» и «Кардой» была совершенно несущественной. «Ларса» была зарегистрирована по паспорту покойника, а остальные – по утерянным паспортам. Директорами всех четырех фирм значились шоферы и механики одной из черловских автобаз.

Существенная разница заключалась в том, что на «Стройимпекс», «Десну» и «Карду» попали акции, принадлежавшие Извольскому, а в фирме «Ларса» находилось двадцать процентов акций, купленных после начала банкротства фирмами Цоя.

Итак, молодой человек предъявил доверенность на совершение операций от имени всех четырех фирм, и в течение ближайших пяти минут акции шахты вновь поменяли владельцев. На этот раз счастливыми обладателями уже восемьдесят процентов акций шахты им. Горького стали бомж Петр Семенович Горшков, продавший на базаре свой паспорт за бутылку водки (номинальный владелец фирмы «Зара», уборщица Клавдия Степановка Кешко, (номинальный владелец фирмы «Крей», слесарь пятого разряда Игнатий Брянков (номинальный владелец фирмы «Икарс», и сантехник Александр Брянчук, скончавшийся четыре месяца назад в следственном изоляторе Черловска. Этот состоял номинальным владельцем фирмы «Вега»).

При этом между фирмами произошло некоторое перекрестное опыление, ибо фирма «Ларса», подконтрольная структурам Цоя, продала каждой из «мартышек» по пять процентов акций, и таким образом каждая «мартышка» оказалась обладателем пяти процентов акций, ранее принадлежавших Цою, и пятнадцать процентов, ранее принадлежавшим Извольскому.

После этого третий молодой человек, пришедший с двумя первыми, показал регистратору доверенность на продажу акций, подписанную генеральными директорами «Зары», «Крея», «Икарса» и «Веги», и тут же оформил их продажу двум фирмам, зарегистрированным в княжестве Лихтенштейн. На этот раз имя владельцев и учредителей фирм было неизвестно, так как сто процентов акционерного капитала каждой фирмы составляли акции на предъявителя.

После этого три молодых человека заплатили необходимые и причитающиеся государству пошлины и с чувством выполненного гражданского долга растворились в летнем мареве черловских улиц.

* * *

Совет кредиторов шахты им. Горького состоялся 21 июля в здании администрации Черловской области. Так как восемьдесят процентов долгов шахты были выкуплены Извольским, мероприятие заняло не больше десяти минут.

От имени владельцев основного долга Денис Черяга внес предложение: прекратить процедуру банкротства и вернуть шахту под управление акционеров. Временный управляющий Фаттах Олжымбаев, со своей стороны, не стал чинить кредиторам никаких препятствий и тут же поздравил акционеров шахты, в лице Дениса Черяги, с возвращенной собственностью. Прямо с собрания кредиторов Денис, Гриша и Царандой поехали на шахту, находившуюся в семидесяти километрах к северу от Черловска.

По пути они заехали в РУБОП, чтобы забрать с собой Олега Самарина и собровцев.

Автобуса с собровцами нигде не было. Самарин вместе с заместителями пил пиво в крошечном кабинете. На расстеленной газете благоухала сушеная вобла, и опера были если не пьяные, то уже и не трезвые. Денис вызвал Самарина в коридор.

– Ты чего пикник устроил? Где автобус?

– Денис Федорович, – сказал Самарин, глядя Черяге прямо в лицо, – у меня было впечатление, что ваш холдинг собирается наводить порядок в области. У меня было впечатление, что меня поддерживают люди, которым не безразлично, что губернатор спит с пидором, который контролирует половину наркоторговли в регионе. А выяснилось, что я – всего лишь шестерка в вашей игре, а игра ведется за шахты и за разрезы, а не за порядок и закон. Вчера мне велели собирать компру на Анастаса, а сегодня мне ее велят сунуть в шреддер, потому что шахта теперь ваша и с Анастасом вы теперь целуетесь взад. Так вот – оттого, что шахта теперь ваша, Анастас не перестал торговать наркотиками. И я его посажу. Так что я с вами не поеду. И СОБРа не дам. Обойдешься пацанами Царандоя.

Денису нечего было на это ответить. Он пожал плечами, повернулся, и пошел прочь.

* * *

К шахте им. Горького подъехали спустя два часа.

Вход в АБК⁶ был перегорожен стальной решеткой, а под ступенями, укрывшись пластиковыми щитами, дремал ОМОН. При виде черных джипов ОМОН оживился и выстроился в позицию афинян при Марафоне.

– А вы, кто, собственно? – полюбопытствовал командир ОМОНа у Дениса и Царандоя, высадившихся из головного джипа.

– Мы владельцы контрольного пакета, – мирно ответил Денис, – и хотя по закону мы можем созвать собрание и поменять директора только через сорок пять дней, мы бы очень его просили осознать свое положение и уйти в отставку в течение ближайших пяти минут, потому что он, сука позорная, нас сдал.

– Я не знаю, какой у вас контрольный пакет, – возразил командир ОМОНа, – но я знаю, что владельцы настоящего контрольного пакета сидят в шахтоуправлении с двух часов дня и никаких самозванцев я никуда пускать не намерен.

* * *

Анастас Анастасов узнал о происшедшем на шахте спустя три часа. Он поспешил к губернатору, губернатор заседал с какими-то московскими шишками. Он позвонил Цюю: его не соединили. Он бросил все и поехал на шахту имени Горького, что для Анастаса было безусловным подвигом, сравнимым с восхождением на Эверест.

Черягу с Ахровым он уже не застал; в заводоуправлении сидел Фаттах Олжымбаев, уже не как временный управляющий, а как представитель акционеров. Анастас влетел в кабинет директора разъяренной кошкой.

– Ты меня обманул! – заорал Анастас.

Фаттах, задрав ноги, лениво глядел в телекамеры, обозревавшие заполненный ОМОНОм двор.

– Как это обманул? – лениво поинтересовался Фаттах, – мы договорились, все, что Сляб заплатит – делим на три части. Твоей доли пятьсот тысяч. Мы все отдали.

– Извольский должен был получить шахту!

Олжымбаев пожал плечами.

– Шахта наша.

– Нет!

– Слушай, Стасик, если ты несогласный, верни пятьсот штук.

– Вы чего делаете, а? Вы зачем папу с кремлевскими ссравливаете? У папы и так проблемы, а вы!

– У папы станет еще больше проблем, если он не будет помогать тем, кто его поддерживает. А Извольский – реально враг. И враг навсегда. Не заблуждайся, Стасик. В войне не бывает середины. Это в тебе андрогинное начало говорит.

– Ты сейчас позвонишь Ахрову и скажешь, что произошло недоразумение. Что он может приехать на шахту.

Фаттах лениво снял трубку.

– Стасик. Не заставляй меня звонить Степану. Все знают, что ты сделаешь так, как скажет тебе Степан.

⁶ Административно-бытовой комплекс.

Анастас выскочил из кабинета Фаттаха, плача. В машине его слезы превратились в истерику.

Фаттах презирал его и даже не давал себе труда это скрыть. Все эти твари презирали его. Большие сильные самцы, от которых пахло потом и кровью, и которые считали, что предназначение мужчины – это бизнес и война. Анастас очень хорошо помнил, что Константин Цой ни разу не пожал ему руку. Не говоря уже о Бельском.

О, Бельский, которым пригрозил ему Фаттах! Все они считали, что Бельский имеет на Анастаса какой-то чрезвычайный компромат. На самом деле компромата не было. Было другое.

Анастас впервые увидел Степана Бельского в 1996 году. Анастас год назад как приехал из Тулы и работал в мужском стрип-шоу, время от времени подкармливаясь порнофильмами.

Как-то в клуб, где трудился Анастас, забрела молодая дочка федерального министра, – девочка широко отметила свое шестнадцатилетие в кругу знакомых и подруг. Из клуба девочка уехала вместе с Анастасом и еще одним парнем. Они прошвырнулись по парочке ресторанов и в конце концов бросили якорь в квартире Анастаса, оборудованной всем необходимым для любви втроем, как-то: широченной кроватью, джакузи, зеркалами на потолке и, конечно же, миниатюрной видеокамерой.

Спустя несколько месяцев перед отцом девочки замаячил пост вице-премьера, курирующего силовые ведомства. Началась борьба, Анастас смекнул, что в его руки попал ценный товар, и анонимно предложил министру выкупить пленку с дочкой. Такое же анонимное предложение было сделано его соперникам.

Спустя несколько часов после затеянного им аукциона Анастас развлекался у себя на квартире с неким молодым человеком. В разгар утех к виску Анастаса прикоснулась холодная сталь, и чей-то далекий и неласковый голос произнес:

– Где снимки, мля?

Анастас обернулся и увидел, что в спальне полно посторонних. Посторонние были коротко стриженные и в черных кожанках, и главным среди посторонних был Степан Бельский.

– А... э... – сказал Анастас.

Это было истолковано как попытка спора. Бельский кивнул, и один из бывших с ним молодых людей подошел к партнеру Анастаса и одним молниеносным движением вспорол ему кожу от лба и до подбородка.

Пленки, разумеется, нашлись тут же. Подраненный любовник Анастаса визжал, как свинья.

– Еще есть? – спросил Бельский, пока голый Анастас ползал у его ног, норовя поцеловать ему ботинки.

– Это все, все, – захлюпал Анастас, – господа, только не убивайте меня, только...

Степан Бельский оттянул затвор, проверяя, есть ли патрон в патроннике, отвел курок и выстрелил. Анастас взвизгнул и лишился чувств. Когда Анастас очнулся, то первое, что он вспомнил, был ни с чем не сравнимый панический страх перед нацеленным в него стволами, и вместе с этим страхом – ощущение неземного, ни разу не испытанного блаженства. Какой это был жесткий, страшный, уверенный в себе мужчина! И этот мужчина пощадил его, увидел нежную, ранимую душу Анастаса, душу, алчущую любви и света!

Это было одним из самых сладких воспоминаний Анастаса. Почти таким же сладким, как история со стрелявшим в него Ахровым.

Анастас до сих пор не мог решить, кто из них более мужественный человек.

Что же до Степана Бельского, то, выйдя из квартиры, Бельский позвонил по сотовому телефону и сказал, что о пленках можно не беспокоиться: они уничтожены. Спустя несколько дней собеседника Степана назначили вице-премьером, курирующим силовые ведомства.

* * *

Первое, что Денис увидел, разлепив глаза, были его собственные наручные часы. Часы, – платиновый «Константин Вашерон», старый подарок Извольского, – сидели, как полагается, на запястье Дениса, а самое запястье было очень неловко подвернуто под белоснежную подушку. И была на этих часах ровненько половина двенадцатого, само собой – дня.

Денис застонал и перевернулся на спину. Он лежал в небольшой светлой спальне, то ли в приличном отеле, то ли в зажиточном доме с комнатами для гостей. Постель была чисто застлана, сам Денис был раздет и имел на себе одни синего цвета трусы, – но кто его раздевал и как он сюда попал, Денис не имел ни малейшего понятия. Голова болела отчаянно, а воспоминания о прошедшем вечере обрывались где-то часах на восьми.

Выяснение отношений на шахте им. Горького заняло часа два. Получив отлуп у командира ОМОНа, Денис бросился звонить регистратору. Глава регистратора оказался в нетях, на месте был лишь его зам. Зам очень любезно проинформировал Дениса, что контрольный пакет шахты отныне принадлежит двум лихтенштейским компаниям, а вскоре на пороге заводу управления показался и представитель этих компаний: это был, как ни удивительно, все тот же Фаттах Олжымбаев.

Наглость Цоя превосходила всякое вероятие: он не только украл акции шахты, вульгарно и безнаказанно. Он оплатил все расходы по кидняку из денег, полученных от Извольского за уступку долгов! Пацаны Царандоя кинулись было бить рожи. Денис с Ахровым насилу оттащили их прочь, было ясно, что омовцы только того и ждали.

Царандой остался выяснять отношения с ментами, а Денис с Гришей вернулись в Черловск и поехали в кабак, где к ним примкнули двое братков из числа акционеров. Один браток был с золотыми зубами и цепью такой толстой, что на нее вполне можно было сажать кавказскую овчарку, а у другого на веках было написано: «не буди».

Они пили вчетвером и весьма усердно, мешая водку с шампанским и коньяк с пивом, все в том же баре с официантками на роликах, и Денис, будучи менее сотоварищей привычен к пойлу, напивался опережающими темпами. Братки находились в перманентно неменяемом состоянии и кричали, что порвут Цоя на куски, но при этом каждый раз пугливо озирались, когда Цоя поминал кто-то другой.

В конце концов Денис сказал что-то насчет официанток, чрезвычайно нелестное, и Гриша, желая показать гостю все достопримечательности уездного центра, поволок его в другое заведение, а именно в единственный и только что открывшийся в городе японский ресторан.

Черяге смутно казалось, что Гриша хотел переговорить с Денисом наедине, но этому сначала помешали увязавшиеся за ними братки, а дальше это перестало иметь смысл в связи с чисто техническими причинами – с состоянием Дениса.

В японском ресторане Денис выпил кружку сакэ и почему-то сделал попытку помыть руки красным цветочным чаем, налитым в особую плошку, а после этого кто-то раздвинул шторы соседнего кабинета, и Денис увидел Константина Цоя: Альбинос, ловко орудуя палочками, подбирал с деревянной решетки кусочки сырой рыбки. При виде Альбиноса настроение Дениса, разумеется, резко испортилось, и Гриша, во избежание происшествий, взвалил его на спину и потащил в «Версаль».

Далее нить воспоминаний Дениса становилась весьма прерывистой. Он смутно помнил, что Гриша предлагал отвезти его в гостиницу, Денис же буянил и требовал поездки в аэропорт, на что Гриша резонно отвечал ему, что сейчас ночь и первый рейс на Москву улетает в девять тридцать. Денис успокаивался, а через некоторое время опять начинал распинаться по поводу аэропорта. Смутно вспоминались какие-то смуглые стриптизерки вокруг шеста, раз-

битая (слава богу, не о чью-то голову) бутылка, падение с лестницы и отделанный мрамором туалет «Версалья», в котором Дениса долго и мучительно выворачивало наизнанку.

Но каким образом Денис попал в эту комнату и кто снимал с него брюки – это оставалось покрыто мраком неизвестности.

Денис вздохнул, сполз с кровати и подошел к окну. Из окна открывался дивный вид на июльскую тайгу. Внизу, под увитым диким виноградом балконом, виднелся небольшой заросший травой кусочек земли с кирпичной стеной по периметру. Стена прерывалась черными, видимо, открывающимися по команде воротами. Сейчас ворота были раскрыты: одна покоренная створка сиротливо качалась на ветру, а другая лежала на земле и поверх нее, как советский воин поверх свастики, гордо возвышался черный гришин «Лендкрузер». Бодание с воротами тоже не прошло джипу даром – сверху Денису было не очень видно, насколько сильно джип покорежился, но фары у него были точно разбиты и бок ободран.

Можно было надеяться, что если Грише спяну не удалось открыть собственных ворот, то он хотя бы не перепутал дом.

Денис потыкался вдоль комнаты в поисках какой-нибудь одежды, таковой не обнаружил, и, босой, шагнул наружу. За дверью начинался широкий и светлый холл. Деревянная лестница вела на третий этаж, и там, наверху, что-то ритмично поскрипывало. Денис пересек холл и ткнулся было в какую-то дверь, в надежде, что это ванная. Но это оказалась еще одна спальня, Денис вернулся на середину холла и негромко позвал:

– Эй! Есть тут кто живой?

Никого живого не отозвалось: с мансарды по-прежнему слышался ритмичный скрип. Денис вздохнул и полез наверх. Третий этаж был отведен под спортивные мероприятия: посередине, под самой стрехой, красовался стол для пинг-понга, над забранным матами полом сверкали зеркала, и там же висела боксерская груша и стояли несколько тренажеров. На одном из этих тренажеров и качалась тоненькая девчушка в белом топики и белых кроссовках. При виде Дениса она остановилась и слезла с тренажера, а Денис тупо моргнул, пошевелил босыми пальцами и спросил:

– А.... это... ванная где?

Тут же Денис поднял глаза и покраснел неудержимо: из зеркал на него смотрел распухший с перепоею придурок в сползающих синих трусах и нечесанной головой. И придурок этот не нашел ничего лучшего, как осведомиться, где ванная – как будто так уж трудно это самому отыскать!

– Ванная на втором этаже, – серьезно сказала девушка, – и на первом. Там такая дверь, а на ней картинка, человечек под душем.

Этот ответ добил куратора службы безопасности Ахтарского холдинга. Денис окончательно запунцовел и ссыпался вниз, на второй этаж, к спасительной ванной. Когда, через двадцать минут, побрившийся и немного пришедший в себя Денис выглянул в коридор, то он обнаружил, что одежда его висит на ручке ванной. Рубашку его и носки за ночь кто-то выстирал и выгладил, а вот костюм, вероятно, было решено сдать в утиль как не подлежащий восстановлению. Поэтому к рубашке прилагались чистые спортивные брюки, видимо из гришиного гардероба: Денису они были на два размера больше.

Денис влез в брюки, застегнул рубашку и отправился вниз, на кухню.

С кухни тянуло запахом свежего кофе и доносилось аппетитное скворчание.

Денис заглянул внутрь и обнаружил, что за белым пластмассовым столиком сидит Гриша в одних штанах на босу ногу, а рядом, спиной к нему, стоит давешняя девушка и жарит яичницу. Девушка уже переделалась: теперь она была в старых джинсовых шортиках, очень коротких и кончавшихся разлохмаченной бахромой, и черном топики. Волосы у девушки были длинные, черные и пушистые, собранные на затылке в роскошный конский хвост. Девушка повернулась, улыбнулась Денису немыслимо большими глазами и сказала:

– Привет, герой. Кофе хочешь?

– Хочу, – пискнул Денис.

Некоторое время он сосредоточенно изучал пейзаж за окном, а потом спросил:

– А как мы вчера сюда попали, а Гриш?

– Я не помню, – сказал Гриша, – наверное, ты меня довез.

– Это наверное ты меня довез, – сказал Денис, – я же даже не знал, куда ехать.

– Да ладно вам. Вас менты довезли, – сказала девушка. – Хороши вы были несказанно.

– Если нас менты довезли, – резонно удивился Гриша, – то кто же тогда бодал ворота?

– А они вас до въезда в поселок довезли, – объяснила девушка, – а дальше ты сам доехал.

– Во блин, – сокрушенно сказал Гриша, – я же весь перед разбил.

– Ты не только перед разбил. Ты габариты разбил и бок помял.

– Это что, тоже о ворота? – изумился Гриша.

– Не-а. Это где-то по дороге. Где-то ж вас менты выудили.

Денис неожиданно прыснул.

– Ну что ты смеешься? – обиженно засопел Гриша. – это тебе, может, «Крузер» не деньги купить, а для меня это вполне деньги. Опять зубоскалить будут. Вон, в прошлом месяце мой «Мерс» подорвали, так одна газета написала, что-де все машины Григория Епишкина кончали жизнь плохо...

– А за что «Мерс» подорвали? – настороженно спросил Денис.

– А он «Мерс» отдал нашему чеченскому вору, – ответила девушка, – его с вором и подорвали. А вор как раз «Крузер» нам отдал...

Денис сидел, скорчившись, на табуретке у окна и во все глаза глядел на девушку. Девушка была дивно хороша: и даже застиранные шортики не делали ее похожей на шлюшку, каковой она, несомненно, являлась. Денис глядел в окно, на буйный сад и на разбитый «Крузер», и остро запереживал оттого, что даже мелкий бандит Гриша имеет свой дом, и свой двор, и свою девушку под боком, а он, Денис Черяга, болтается без своей половинки, как глист на ветру...

Гриша поднялся и пошел куда-то из кухни прочь. Через мгновение из гостиной донеслись неясные звуки от включенного телевизора.

– Слышь... из-за чего казино у Гриши горело? – внезапно спросил Денис.

Девушка скорчила очаровательную гримаску.

– А бог его знает. Жаль, что не до конца.

– Почему?

– Пил из-за него Гриша много. Каждый вечер пьяным привозили... Вот сейчас достроят, опять будет пить... Вам чай или кофе?

– Кофе, – сказал Денис.

Тем временем поспел омлет, оказавшийся необыкновенно белым и воздушным. Девушка ловко перехватила сковородку вышитым рушником, перевалила омлет на широкую фарфоровую тарелку с сиреневыми узорами, положила рядом поджаренный хлебец и хрустящий соленый огурчик, посыпала все свежей зеленью и поставила всю эту красоту перед Черягой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.